

Владимир Владимирович Маяковский

Стихотворения (1912-1917) СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения (1912-1917) Ночь

Утро

Порт

Уличное

Из улицы в улицу

А вы могли бы?

Вывескам

Театры

Кое-что про Петербург

За женщиной

Я

1. По мостовой

2. Несколько слов о моей жене

3. Несколько слов о моей маме

4. Несколько слов обо мне самом

Исчерпывающая картина весны

От усталости

Любовь

Мы

Шумики, шумы и шумищи

Адище города

Нате!

Ничего не понимают

В авто

Кофта фата

Послушайте!

А все-таки

Еще Петербург

Война объявлена

Мама и убитый немцами вечер

Скрипка и немножко нервно

Мысли в призыв

Я и Наполеон

Вам!

Гимн судье

Гимн ученому

Военно-морская любовь

Гимн здоровью

Гимн критику

Гимн обеду

Теплое слово кое-каким порокам

Вот так я сделался собакой

Кое-что по поводу дирижера

Пустяк у Оки

Великолепные нелепости

Гимн взятке

Внимательное отношение к взяточникам

Чудовищные похороны

Мое к этому отношение

Эй!

Ко всему

Лиличка!

Издевательства

Никчемное самоутешение

Надоело

Дешевая распродажа

Мрак

Лунная ночь

Следующий день

В. Я. Брюсову на память

Хвои

Себе, любимому, посвящает эти строки автор

Последняя петербургская сказка

России

Братья писатели

Революция

Подписи к плакатам издательства “Парус”

Сказка о красной шапочке

К ответу!

Нетрудно, ландышами дыша

Интернациональная басня

Ешь ананасы

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан, в зеленый бросали горстями
дукаты,

а черным ладоням сбежавшихся окон

раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно

увидеть на зданиях синие тоги.

И раньше бегущим, как желтые раны,

огни обручали браслетами ноги.

Толпа - пестрошерстая быстрая кошка -

10 плыла, изгибаясь, дверями влекома; каждый хотел протащить хоть
немножко

громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,

в глаза им улыбку протиснул; пугая

ударами в жесть, хохотали арапы,

над лбом расцветивши крыло попугая.

[1912]

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.

А за

решеткой

четкой

железной мысли проводов -

перина.

И на

нее

встающих звезд

10 легко оперлись ноги.

Но ги-

бель фонарей,

царей

в короне газа,

для глаза

сделала больней

враждующий букет бульварных проституток.

И жуток

шуток.

20 клюющий смех -

из желтых

ядовитых роз

возрос

зигзагом.

За гам

и жуть

взглянуть

отрадно глазу:

раба

30 крестов

страдающе-спокойно-безразличных,

гроба

домов

публичных

восток бросал в одну пылающую вазу.

[1912]

ПОРТ

Прост_ы_ни вод под брюхом были.

Их рвал на волны белый зуб.

Был вой трубы - как будто лили

любовь и похоть медью труб.

Прижались лодки в люльках входов

к сосцам железных матерей.

В ушах оглохших пароходов

горели серьги якорей.

[1912]

УЛИЧНОЕ

В шатрах, истертых ликом цвель где, из ран лотков сочилась клюква,
а сквозь меня на лунном сельде

скакала крашенная буква.

Вбиваю гулко шага свай,

бросаю в бубны улиц дробь я.

Ходьбой усталые трамваи

скрестили блещущие копыя.

Подняв рукой единый глаз,

10 кривая площадь кралась близко.

Смотрело небо в белый газ

лицом безглазым василиска.

[1913]

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

У-

лица.

Лица

У

ДОГОВ

ГODOB

рез-

че.

Че-

10 рез

железных коней

с окон бегущих домов

прыгнули первые кубы.

Лебеди шей колокольных,

гнитесь в силках проводов!

В небе жирафий рисунок готов

выпестрить ржавые чубы.

Пестр, как форель,

сын

20 безузорной пашни.

Фокусник

рельсы

тянет из пасти трамвая,

скрыт циферблатами башни.

Мы завоеваны!

Ванны.

Души.

Лифт.

Лиф души расстегнули,

30 Тело жгут руки.

Кричи, не кричи:

”Я не хотела!” -

резок

жгут

муки.

Ветер колючий

трубе

вырывает

дымчатой шерсти клок.

40 Лысый фонарь

сладострастно снимает

с улицы

черный чулок.

[1913]

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.

А вы

ноктюрн сыграть

могли бы

10 на флейте водосточных труб?

[1913]

ВЫВЕСКАМ

Читайте железные книги!

Под флейту золоченой буквы

полезут копченые сиги

и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песней

закружат созвездия “Магги” -
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен,
10 загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!

[1913]

ТЕАТРЫ

Рассказ о взлезших на подмосток
аршинной буквою графишь,
и зазывают в вечер с досок
зрачки малеванных афиш.

Автомобиль подкрасил губы
у блеклой женщины Карьера,
а с прилетавших рвали шубы
два огневые фокстерьера.

10 И лишь светящаяся груша
о тень сломала копыта драки,

на ветке лож с цветами плюша

повисли тягостные фраки.

[1913]

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

Слезают слезы с крыши в трубы,

к руке реки чертя полоски;

а в неба свисшиеся губы

воткнули каменные соски.

И небу - стихши - ясно стало:

туда, где моря блещет блюдо,

сырой погонщик гнал устало

Невы двугорбого верблюда.

[1913]

ЗА ЖЕНЩИНОЙ

Раздвинув локтем тумана дрожжи,

цедил белила из черной фляжки

и, бросив в небо косые вожжи,

качался в тучах, седой и тяжкий.
В расплаве меди домов полуда,
дрожанья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.
Вулканы-бедра за льдами платий,
10 колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татъей
ревниво взвились тупые стрелы.
Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, оципавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.
Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
20 ударил с злобой по ребрам крыши.

[1913]

Я

По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.

Где города
повешены
и в петле облака
застыли
башен
10 кривые выи -
иду
один рыдать,
что перекрестком
р_а_спяты
городовые.

[1913]

2

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

Морей неведомых далеким пляжем

идет луна -

жена моя.

Моя любовница рыжеволосая.

За экипажем

крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая.

Венчается автомобильным гаражей,

целуется газетными киосками,

а шлейфа млечный путь моргающим пажем

10 украшен мишурными блестками.

А я?

Несло же, палимому, бровей коромысло

из глаз колодцев студеные ведра.

В шелках озерных ты висла,

янтарной скрипкой пели бедра?

В края, где злоба крыш,

не кинешь блесткой песни.

В бульварах я тону, тоской песков оваян: ведь это ж дочь твоя -

20 моя песня

в чулке ажурном

у кофеен!

[1913]

3

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

У меня есть мама на васильковых обоях.

А я гуляю в пестрых павах,

вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.

Заиграет вечер на гобоях ржавых,

подхожу к окошку,

веря,

что увижу опять

севшую

на дом

10 тучу.

А у мамы больной

пробегают народа шорохи

от кровати до угла пустого.

Мама знает -

это мысли сумасшедшей ворохи

вылезают из-за крыш завода Шустова.

И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой, окровавит гаснущая
рама,

я скажу,

20 раздвинув басом ветра вой:

”Мама.

Если станет жалко мне

вазы вашей муки,

сбитой каблуками облачного танца, -

кто же изласкает золотые руки,

вывеской заломленные у витрин Аванцо?..”

[1913]

4

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ

Я люблю смотреть, как умирают дети.

Вы прибоя смеха мглистый вал заметили

за тоски хоботом?

А я -

в читальне улиц -

так часто перелистывал гроба том.

Полночь

промокшими пальцами щупала

меня

10 и забитый забор,

и с каплями ливня на лысине купола

скакал сумасшедший собор.

Я вижу, Христос из иконы бежал,

хитона оветренный край

целовала, плача, слякоть.

Кричу кирпичу,

слов исступленных вонзаю кинжал

в неба распухшего мякоть:

”Солнце!

20 Отец мой!

Сжался хоть ты и не мучай!

Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою

дольней.

Это душа моя

клочьями порванной тучи

в выжженном небе

на ржавом кресте колокольни!

Время!

Хоть ты, хромой богомаз,

лик намалюй мой

в божницу уродца века!

Я одинок, как последний глаз

у идущего к слепым человека!”

[1913]

ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ КАРТИНА ВЕСНЫ

Листочки.

После строчек лис -

точки.

[1913]

ОТ УСТАЛОСТИ

Земля!

Дай исцелю твою лысеющую голову

лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот.

Дымом волос над пожарами глаз из олова

дай обовью я впалые груди болот.

Ты! Нас - двое,

ораненных, загнанных ланями,

вздыбилось ржанье оседланных смертью коней.

Дым из-за дома догонит нас длинными дланями, 10 мутью озлобив глаза догнивающих в ливнях огней.

Сестра моя!

В богадельнях идущих веков,

может быть, мать мне сыщется;

бросил я ей окровавленный песнями рог.

Квакая, скачет по полю

канава, зеленая сыщица,

нас заневолить

веревками грязных дорог.

[1913]

ЛЮБОВЬ

Девушка пугливо куталась в болото,

ширились зловеще лягушечьи мотивы,

в рельсах колебался рыжеватый кто-то, и укорно в буклях проходили локомотивы.

В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветряной мазурки, и вот я - озноенный июльский
тротуар, а женщина поцелуи бросает - окурки!

Бросьте города, глупые люди!

и Идите голые лить на солнцепеке

пьяные вина в меха-груди,

дождь-поцелуи в угли-щеки.

[1913]

МЫ

Лезем земле под ресницами вылезших пальм

выколоть бельма пустынь,

на ссохшихся губах каналов -

дредноутов улыбки поймать.

Стынь, злоба!

На костер разожженных созвездий

взвесь не позволю мою одичавшую дряхлую мать.

Дорога - рог ада - пьяни грузовозов храпы!

Дымящиеся ноздри вулканов хмелем расширь!

10 Перья линяющих ангелов бросим любимым на

шляпы,

будем хвосты на боа обрубать у комет, ковыляющих

в ширь.

[1913]

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ

По эхам города проносят шумы

на шепоте подошв и на громах колес, а люди и лошади - это только
грумы, следящие линии убегающих кос.

Пронесут девоньки крохотные шумики.

Ящички гула пронесет грузовоз.

Рысак прошуршит в сетчатой тунике.

Трамвай расплещет перекааты гроз.

Все на площадь сквозь туннели пассажей

10 плывут каналами перекрещенных дум, где мордой перекошенный,
размалеванный сажей

на царство базаров коронован шум.

[1913]

АДИЩЕ ГОРОДА

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.

Рыжие дьяволы, вздымались автомобили, над самым ухом взрывая
гудки.

А там, под вывеской, где сельди из Керчи -
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечеряющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки.

В дырах небоскребов, где горела руда
10 и железо поездов громоздило лаз -
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.

И тогда уже - скомкав фонарей одеяла -
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.

[1913]

НАТЕ!

Через час отсюда в чистый переулок

вытечет по человеку ваш обрюзгший жир, а я вам открыл столько стихов
шкатулок, я - бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста

где-то недокушанных, недоеденных щей; вот вы, женщина, на вас белила
густо, вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Все вы на бабочку поэтиного сердца

10 взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.

Толпа озверевает, будет тереться,

ощетинит ножки стоголавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,

кривляться перед вами не захочется -и вот

я захохочу и радостно плюну,

плюну в лицо вам

я - бесценных слов транжир и мот.

[1913]

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТ

Вошел к парикмахеру, сказал - спокойный: “Будьте добр_ы_, причешите
мне уши”.

Гладкий парикмахер сразу стал хвойный, лицо вытянулось, как у груши.

”Сумасшедший!

Рыжий!” -

запрыгали слова.

Ругань металась от писка до писка,

и до-о-о-о-лго

10 хихикала чья-то голова,

выдергиваясь из толпы, как старая редиска.

[1913]

В АВТО

”Какая очаровательная ночь!”

”Эта,

(указывает на девушку),

что была вчера,

та?”

Выговорили на тротуаре

”поч-

перекинулось на шины

та”.

10 Город вывернулся вдруг.

Пьяный на шляпы полез.

Вывески разинули испуг.

Выплевывали

то “О”,

то “S”.

А на горе,

где плакало темно

и город

робкий прилез,

20 поверилось:

обрюзгло “О”

и гадко покорное “S”.

[1913]

КОФТА ФАТА

Я сошью себе черные штаны

из бархата голоса моего.

Желтую кофту из трех аршин заката.

По Невскому мира, по лощеным полосам его, профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

Пусть земля кричит, в покое обабившись: “Ты зеленые весны идешь насиловать!”

Я брошу солнцу, нагло ослабившись: “На глади асфальта мне хорошо
грассировать!”

10 Не потому ли, что небо голубо, а земля мне любовница в этой
праздничной чистке, я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо, и острые и
нужные, как зубочистки!

Женщины, любящие мое мясо, и эта

девушка, смотрящая на меня, как на брата, закидайте улыбками меня,
поэта, -

я цветами нашью их мне на кофту фата!

[1914]

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают -

значит - это кому-нибудь нужно?

Значит - кто-то хочет, чтобы они были?

Значит - кто-то называет эти плевочки

жемчужиной?

И, надрываясь

в метелях пол_у_денной пыли,

врывается к богу,

боится, что опоздал,

10 плачет,
целует ему жилистую руку,
просит -
чтоб обязательно была звезда! -
клянется -
не перенесет эту беззвездную муку!

А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.

Говорит кому-то:

20 “Ведь теперь тебе ничего?

Не страшно?

Да?!”

Послушайте!

Ведь, если звезды

зажигают -

значит -это кому-нибудь нужно?

Значит - это необходимо,

чтобы каждый вечер

над крышами

30 загоралась хоть одна звезда?!

[1914]

А ВСЕ-ТАКИ

Улица провалилась, как нос сифилитика.

Река - сладострастье, растекшееся в слюни.

Отбросив белье до последнего листика, сады похабно развалились в июне.

Я вышел на площадь,

выжженный квартал

надел на голову, как рыжий парик.

Людям страшно - у меня изо рта

шевелит ногами непрожеванный крик.

10 Но меня не осудят, но меня не облают, как пророку, цветами устелят мне след.

Все эти, провалившиеся носами, знают: я - ваш поэт.

Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!

Меня одного сквозь горящие здания

проститутки, как святыню, на руках понесут

и покажут богу в свое оправдание.

И бог заплачет над моею книжкой!

Не слова - судороги, слипшиеся комом; 20 и побежит по небу с моими

стихами подмышкой

и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.

[1914]

ЕЩЕ ПЕТЕРБУРГ

В ушах обрывки теплого бала,

а с севера - снега седей -

туман, с кровожадным лицом каннибала, жевал невкусных людей.

Часы нависали, как грубая брань,

за пятым навис шестой.

А с неба смотрела какая-то дрянь

величественно, как Лев Толстой.

[1914]

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

”Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!

Италия! Германия! Австрия!”

И на площадь, мрачно очерченную чернью, багровой крови пролилась струя!

Морду в кровь разбила кофейня,

зверьим криком багрима:

”Отравим кровью игры Рейна!

Громами ядер на мрамор Рима!”

С неба, изодранного о штыков жала,

10 слезы звезд просеивались, как мука в сите, и подошвами сжатая жалость визжала: “Ах, пустите, пустите, пустите!”

Бронзовые генералы на граненом цоколе

молили: “Раскуйте, и мы поедем!”

Прощающейся конницы поцелуи цокали, и пехоте хотелось к убийце - победе.

Громоздящемуся городу уродился во сне

хохочущий голос пушечного баса,

а с запада падает красный снег

20 сочными клочьями человеческого мяса.

Вздувается у площади за ротой рота, у злящейся на лбу вздуваются вены.

”Постойте, шашки о шелк кокоток

вытрем, вытрем в бульварах Вены!”

Газетчики надрывались: “Купите вечернюю!

Италия! Германия! Австрия!”

А из ночи, мрачно очерченной чернью, багровой крови лил_а_сь и лил_а_сь струя.

20 июля 1914 г.

МАМА И УБИТЫЙ НЕМЦАМИ ВЕЧЕР

По черным улицам белые матери

судорожно простерлись, как по гробу глазет.

Вплакались в орущих о побитом неприятеле: “Ах, закройте, закройте глаза газет!”

Письмо.

Мама, громче!

Дым.

Дым.

Дым еще!

10 Что вы мямлите, мама, мне?

Видите -

весь воздух вымощен

громыхающим под ядрами камнем!

Ма -а -а -ма!

Сейчас притащили израненный вечер.

Крепился долго,

кургузый,

шершавый,
и вдруг, -
20 надломивши тучные плечи,
расплакался, бедный, на шее Варшавы.

Звезды в платочках из синего ситца

визжали:

”Убит,
дорогой,
дорогой мой!”

И глаз новолунья страшно косится
на мертвый кулак с зажатой обоймой.

Сбежались смотреть литовские села,
30 как, поцелуем в обрубок вкована, слезя золотые глаза костелов,
пальцы улиц ломала Ковна.

А вечер кричит,

безногий,

безрукий:

”Неправда,

я еще могу-с -ї

хе! -

выбрыцав шпоры в горящей мазурке,

40 выкрутить русский ус!”

Звонок.

Что вы,

мама?

Белая, белая, как на гробе газет.

”Оставьте!

О нем это,

об убитом, телеграмма.

Ах, закройте,

закройте глаза газет!”

[1914]

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Скрипка издергалась, упрашивая,

и вдруг разревелась

так по-детски,

что барабан не выдержал:

”Хорошо, хорошо, хорошо!”

А сам устал,

не дослушал скрипкиной речи,

шмыгнул на горящий Кузнецкий

и ушел.

10 Оркестр чужо смотрел, как

выплакивалась скрипка

без слов,

без такта,

и только где-то

глупая тарелка

вылязгивала:

”Что это?”

”Как это?”

А когда геликон -

20 меднорожий,

потный,

крикнул:

”Дура,

плакса,

вытри!” -

я встал,

шатаясь полез через ноты,

сгибающиеся под ужасом пюпитры,

зачем-то крикнул:

30 “Боже!”

Бросился на деревянную шею:

”Знаете что, скрипка?”

Мы ужасно похожи:

я вот тоже

ору -

а доказать ничего не умею!”

Музыканты смеются:

”Влип как!

Пришел к деревянной невесте!

40 Голова!”

А мне - наплевать!

Я - хороший.

”Знаете что, скрипка?”

Давайте -

будем жить вместе!

А?”

[1914]

МЫСЛИ В ПРИЗЫВ

Войне ли думать:

”Некрасиво в шраме”?

Ей ли жалеть

городов гиль?

Как хороший игрок,

раскидала шарами

смерть черепа

в лузы могил.

Горит материк.

10 Стр_а_ны - на нет.

Прилизанная

треплется мира челка.

Слышите?

Хорошо?

Почище кастаньет.

Это вам не на счетах щелкать.

А мне не жалко.

Лица не выгрущу.

Пусть

20 из нежного

делают казак_а_.

Посланный

на выучку новому игрищу,

вернется

облеченный в новый закал.

Была душа поэтами рыта.

Сияющий говорит о любом.

Сердце -

с длинноволосыми открыток

30 благороднейший альбом.

А теперь

попробуй.

Сунь ему “Анатэм”.

В норах мистики вели ему мышиться.

Теперь

у него

душа канатом,

и хоть гвоздь вбивай ей -

каждая мышца.

40 Ему ли

НЬТЬ

в квартирной яме?

А такая

нравится манера вам:

нежность

из памяти

вырвать с корнями,

головы скрутить орущим нервам.

Туда!

50 В мировую кузню,

в ремонт.

Вернетесь.

О новой поведаяо Спарте я.

А слабым

смерть,

маркер времен,

ори:

”Партия!”

[1914]

Я И НАПОЛЕОН

Я живу на Большой Пресне,

36, 24.

Место спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

Кажется - какое мне дело,

что где-то

в буре-мире

взяли и выдумали войну?

10 Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

И чего это барышни некоторые

дрожат, пугливо поворачивая

глаза громадные, как прожекторы?

Уличные толпы к небесной влаге

припали горящими устами,

а город, вытрепав ручонки-флаги,

молится и молится красными крестами.

20 Простоволосая церковка бульварному

изголовью

припала, - набитый слезами куль, -

а у бульвара цветники истекают кровью, как сердце, изодранное пальцами пуль.

Тревога жиреет и жиреет,

жрет зачерстневший разум.

Уже у Ноева оранжереи

покрылись смертельно-бледным газом!

Скажите Москве -

пускай удержится!

30 Не надо!

Пусть не трясется!

Через секунду

встречу я

неб самодержца, -

возьму и убью солнце!

Видите!

Флаги по небу полощет.

Вот он!

Жирен и рыж.

40 Красным копытом грохнув о площадь, въезжает по трупам крыш!

Тебе,

орущему:

”Разрушу,

разрушу!”,

вырезавшему ночь из окровавленных карнизов, я,

сохранивший бесстрашную душу,

бросаю вызов!

50 Идите, изъеденные бессонницей,

сложите в костер лица!

Все равно!

Это нам последнее солнце -

солнце Аустерлица!

Идите, сумасшедшие, из России, Польши.

Сегодня я - Наполеон!

Я полководец и больше.

Сравните:

я и - он!

60 Он раз чуме приблизился троном,

смелостью смерть поправ, -

я каждый день иду к зачумленным

по тысячам русских Яфф!

Он раз, не дрогнув, стал под пули

и славится столетий сто, -
а я прошел в одном лишь июле
тысячу Аркольских мостов!
Мой крик в граните времени выбит,
и будет греметь и гремит,
70 оттого, что
в сердце, выжженном, как Египет,
есть тысяча тысяч пирамид!
За мной, изъеденные бессонницей!
Выше!
В костер лица!
Здравствуй,
мое предсмертное солнце,
солнце Аустерлица!
Люди!
80 Будет!
На солнце!
Прямо!
Солнце съжится аж!
Громче из сжатого горла храма
хрипи, похоронный марш!

Люди!

Когда канонизируете имена

погибших,

меня известней, -

90 помните:

еще одного убила война -

поэта с Большой Пресни!

1915

ВАМ!

Вам, проживающим за оргией оргию,

имеющим ванную и теплый клозет!

Как вам не стыдно о представленных к Георгию

вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,

думающие, нажраться лучше как, -

может быть, сейчас бомбой ноги

выдрало у Петрова поручика?..

Если б он, приведенный на убой,

10 вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!
Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!

[1915]

ГИМН СУДЬЕ

По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рыком покрыв кандальное ржанье,
орут о родине Перу.
О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы
и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.
Банан, ананасы! Радостей груды!
10 Вино в запечатанной посуде...

Но вот неизвестно зачем и откуда
на Перу наперли судьи!

И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.

Глаза у судьи - пара жестянок
мерцает в помойной яме.

Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, -
и вылинял моментально павлиний
20 великолепный хвост!

А возле Перу летали по прерии
птички такие - колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.

И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.

Судья написал на каждой долине:
”Долина для некурящих”.

В бедном Перу стихи мои даже
30 в запрете под страхом пыток.

Судья сказал: “Те, что в продаже,

тоже спиртной напиток”.

Экватор дрожит от кандалных звонов.

А в Перу бесптичье, безлюдье...

Лишь, злобно забившись под своды законов, живут унылые судьи.

А знаете, все-таки жаль перуанца.

Зря ему дали галеру.

Судьи мешают и птице, и танцу,

40 и мне, и вам, и Перу.

[1915]

ГИМН УЧЕНОМУ

Народонаселение всей империи -

люди, птицы, сороконожки,

ощетинив щетину, выперев перья,

с отчаянным любопытством висят на окошке.

И солнце интересуется, и апрель еще, даже заинтересовало трубочиста
черного

удивительное, необыкновенное зрелище -

фигура знаменитого ученого.

Смотрят: и ни одного человеческого качества.

10 Не человек, а двуногое бессилие, с головой, откусанной начисто
трактатом “О бородавках в Бразилии”.

Вгрызлись в букву едящие глаза, -
ах, как букву жалко!

Так, должно быть, жевал вымирающий ихтиозавр
случайно попавшую в челюсти фиалку.

Искривился позвоночник, как оглоблей ударенный, но ученому ли
думать о пустяковом изъяне?

Он знает отлично написанное у Дарвина, 20 что мы - лишь потомки
обезьяньи.

Просочится солнце в крохотную щелку, как маленькая гноящаяся ранка,
и спрячется на пыльную полку,
где громоздится на банке банка.

Сердце девушки, вываренное в иоде.

Окаменелый обломок позапрошлого лета.

И еще на булавке что-то вроде
засушенного хвоста небольшой кометы.

Сидит все ночи. Солнце из-за домишки

30 опять ослабилось на людские безобразия, и внизу по тротуарам
опять приготовишки

деятельно ходят в гимназии.

Проходят красноухие, а ему не нудно, что растет человек глуп и
покорен;

ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень.

[1915]

ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ

По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.

Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу миноносочка.

И конца б не довелось ему,
благодарностью миноносью.

Вдруг прожектор, вздев на нос очки, впился в спину миноносочки.

Как взревет медноголосина:

10 “Р-р-р-астакая миноносина!”

Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится, а сбежала миноносица.

Но ударить удалось ему
по ребру по миноносью.

Плач и вой морями носится:
овдовела миноносица.

И чего это несносен нам

мир в семействе миноносином?

[1915]

ГИМН ЗДОРОВЬЮ

Среди тонконогих, жидких кровью,
трудом поворачивая шею бычью,
на сытый праздник тучному здоровью
людей из мяса я зычно кличу!

Чтоб бешеной пляской землю овить,
скучную, как банка консервов,
давайте весенних бабочек ловить
сетью ненужных нервов!

И по камням острым, как глаза ораторов, 10 красавцы-отцы здоровых
ТОМОВ,

потащим мордами умных психиатров
и бросим за решетки сумасшедших домов!

А сами сквозь город, иссохший как Онания, с толпой фонарей
желтолицых, как скопцы, голодным самкам накормим желания,

поросшие шерстью красавцы-самцы!

[1915]

ГИМН КРИТИКУ

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
невзрачный детеныш в результате вытек.

Мальчик - не мусор, не вывезешь на тачке.

Мать поплакала и назвала его: критик.

Отец, в разговорах вспоминая родословные, любил поспорить о правах материнства.

Такое воспитание, светское и салонное, оберегало мальчика от уклона в свинство.

Как роется дворником к кухарке сапа, 10 щебетала мамаша и кальсоны мыла; от мамаша мальчик унаследовал запах

и способность вникать легко и без мыла.

Когда он вырос приблизительно с полено

и веснушки рассыпались, как рыжики на блюде, его изящным ударом колена

провели на улицу, чтобы вышел в люди.

Много ль человеку нужно? - Клочок -

небольшие штаны и что-нибудь из хлеба.

Он носом, хорошеньким, как построчный пяточок, 20 обнюхал приятное газетное небо.

И какой-то обладатель какого-то имени

нежнейший в двери услышал стук.

И скоро критик из имениного вымени

выдоил и брюки, и булку, и галстук.

Легко смотреть ему, обутому и одетому, молодых искателей изысканные
игры

и думать: хорошо - ну, хотя бы этому

потрогать зубенками шальные икры.

Но если просочится в газетной сети

30 о том, как велик был Пушкин или Дант, кажется, будто разлагается в
газете

громадный и жирный официант.

И когда вы, наконец, в столетний юбилей

продерете глазки в кадильной гари,

имя его первое, голубицы белей,

чисто засияет на поднесенном портсигаре.

Писатели, нас много. Собирайте миллион.

И богадельню критикам построим в Ницце.

Вы думаете - легко им наше белье

40 ежедневно прополаскивать в газетной странице!

[1915]

ГИМН ОБЕДУ

Слава вам, идущие обедать миллионы!

И уже успевшие наесться тысячи!

Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны

и тысячи блюдищ всяческой пищи.

Если ударами ядр

тысячи Реймсов разбить удалось бы -

попрежнему будут ножки у пулярд,

и дышать попрежнему будет ростбиф!

Желудок в панаме! Тебя ль заразят

10 величием смерти для новой эры?!

Желудку ничем болеть нельзя,

кроме аппендицита и холеры!

Пусть в сале совсем потонут зрачки -

все равно их зря отец твой выделал; на слепую кишку хоть надень очки,

кишка все равно ничего б не видела.

Ты так не хуже! Наоборот,

если б рот один, без глаз, без затылка -

сразу могла б поместиться в рот

20 целая фаршированная тыква.

Лежи спокойно, безглазый, безухий,

с куском пирога в руке,

а дети твои у тебя на брюхе

будут играть в крокет.

Спи, не тревожась картиной крови

и тем, что пожаром мир опоясан, -

молоком богаты силы коровьи,

и безмерно богатство бычьего мяса.

Если взрежется последняя шея бычья

30 и знак последний с камня серого, ты, верный раб твоего обычая,

из звезд сфабрикуешь консервы.

А если умрешь от котлет и бульонов, на памятнике прикажем высечь:

”Из стольких-то и стольких-то котлет миллионов -

твоих четыреста тысяч”.

[1915]

ТЕПЛОЕ СЛОВО КОЕ-КАКИМ ПОРОКАМ

(ПОЧТИ ГИМН) Ты, который трудишься, сапоги ли чистишь, бухгалтер или бухгалтера помощница, ты, чье лицо от дел и тощици

помятое и зеленое, как трешница.

Портной, например. Чего ты ради

эти брюки принес к примерке?

У тебя совершенно нету дядей,

а если есть, то небогатый, не мрет и не в Америке.

Говорю тебе я, начитанный и умный:

10 ни Пушкин, ни Щепкин, ни Врубель
ни строчке, ни позе, ни краске надуманной
не верили - а верили в рубль.

Живешь утюжить и ножницами раниться.

Уже сединою бороду п_е_ревил,
а видел ты когда-нибудь, как померанец
растет себе и растет на дереве?

Потеете и трудитесь, трудитесь и потеете, вытелятся и вытянутся какие-то дети, мальчики - бухгалтеры, девочки - помощницы, те и те

20 будут потеть, как потели эти.

А я вчера, не насилуемый никем,
просто,
снял в “железку” по шестой руке
три тысячи двести - со ста.

Ничего, если, приложивши палец ко рту, зубоскалят, будто помог тем,
что у меня такой-то и такой-то туз
мягко помечен ногтем.

Игроческие очи из ночи

30 блестели, как два рубля,

я разгружал кого-то, как настойчивый рабочий

разгружает трюм корабля.

Слава тому, кто первый нашел,

как без труда и хитрости,

чистоплотно и хорошо

карманы ближнему вывернуть и вытрясти!

И когда говорят мне, что труд, и еще, и еще

будто хрен натирают на заржавленной терке

я ласково спрашиваю, взяв за плечо: 40 “А вы прикупаете к пятерке?”

[1915]

ВОТ ТАК Я СДЕЛАЛСЯ СОБАКОЙ

Ну, это совершенно невыносимо!

Весь как есть искусан злобой.

Злюсь не так, как могли бы вы:

как собака лицо луны гололобой -

взял бы

и все обвыл.

Нервы, должно быть...

Выйду,

погуляю.

10 И на улице не успокоился ни на ком я.

Какая-то прокричала про добрый вечер.

Надо ответить:

она - знакомая.

Хочу.

Чувствую -

не могу по-человечьи.

Что это за безобразие!

Сплю я, что ли?

Ощупал себя:

20 такой же, как был,

лицо такое же, к какому привык.

Тронул губу,

а у меня из-под губы -

клык.

Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь.

Бросился к дому, шаги удвоив.

Бережно огибаю полицейский пост,

вдруг оглушительное:

”Городовой!

30 Хвост!”

Провел рукой и - остолбенел!

Этого-то,

всяких клыков почище,

я и не заметил в бешеном скаче:

у меня из-под пиджака

развеерился хвостище

и вьется сзади,

большой, собачий.

Что теперь?

40 Один заорал, толпу растя.

Второму прибавился третий, четвертый.

Смяли старушонку.

Она, крестясь, что-то кричала про черта.

И когда, оцетинив в лицо усища-веники, толпа навалилась,

огромная,

злая,

я стал на четвереньки

и залаял:

50 Гав! гав! гав!

[1915]

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА

В ресторане было от электричества рыжо.

Кресла облиты в дамскую мякоть.

Когда обиженный выбежал дирижер,

приказал музыкантам плакать.

И сразу тому, который в бороду

толстую семгу вкусно нес,

труба - изловчившись - в сытую морду

ударил горстью медных слез.

Еще не успел он, между икотами,

10 выпихнуть крик в золотую челюсть, его избитые тромбонами и
фаготами

смяли и скакали через.

Когда последний не дополз до двери, умер щекою в соусе,

приказав музыкантам выть по-зверьи -

дирижер обезумел вовсе!

В самые зубы туше опоенной

втиснул трубу, как медный калач,

дул и слушал - раздутым удвоенный,

20 мечется в брюхе плач.

Когда наутро, от злобы не евший,

хозяин принес расчет,

дирижер на люстре уже посиневший

висел и синел еще.

[1915]

ПУСТЯК У ОКИ

Нежно говорил ей -

мы у реки

шли камышами:

”Слышите: шуршат камыши у Оки.

Будто наполнена Ока мышами.

А в небе, лучик сережкой вдев в ушко, звезда, как вы, хорошая, - не звезда, а девушка...

А там, где кончается звездочки точка, месяц улыбается и заверчен, как

10 будто на небе строчка

из Аверченко...

Вы прекрасно картавите.

Только жалко Италию...”

Она: “Ах, зачем вы давите

и локоть и талию.

Вы мне мешаєте

у камыша идти...”

[1915]

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ НЕЛЕПОСТИ

Бросьте!

Конечно, это не смерть.

Чего ей ради ходить по крепости?

Как вам не стыдно верить

нелепости?!

Просто именинник устроил карнавал,

выдумал для шума стрельбу и тир,

а сам, по-жабьи присев на вал,

вымаргивается, как из мортир.

10 Ласков хозяина бас,

просто - похож на пушечный.

И не от газа маска,

а ради шутки игрушечной.

Смотрите!

Небо мерить

выбежала ракета.

Разве так красиво смерть

бежала б в небе паркета!

Ах, не говорите:

20 “Кровь из раны”.

Это - дико!

Просто *избранных* из бранных

одаривали гвоздикой.

Как же иначе?

Мозг не хочет понять

и не может:

у пушечных шей

если не целоваться,

то - для чего же

30 обвиты руки траншей?

Никто не убит!

Просто - не выстоял.

Лег от Сены до Рейна.

Оттого что цветет,

одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена.

Не убиты,

нет же,

нет!

40 Все они встанут

просто -

вот так,

вернутся

и, улыбаясь, расскажут жене,

какой хозяин весельчак и чудак.

Скажут: не было ни ядр, ни фугасов

и, конечно же, не было крепости!

Просто именинник выдумал массу

каких-то великолепных нелепостей!

[1915]

ГИМН ВЗЯТКЕ

Пришли и славословим покорненько

тебя, дорогая взятка,

все здесь, от младшего дворника

до того, кто в золото заткан.

Всех, кто за нашей десницей

посмеет с укором глаза весть,

мы так, как им и не снится,

накажем мерзавцев за зависть.

Чтоб больше не смела вздыматься хула, 10 наденем мундиры и медали

и, выдвинув вперед убедительный кулак, спросим: “А это видали?”

Если сверху смотреть - разинешь рот.

И взыграет от радости каждая мышца.

Россия - сверху - прямо огород,

вся наливаётся, цветет и пышится.

А разве видано где-нибудь, чтоб стояла коза

и лезть в огород козе лень?..

Было бы время, я б доказал,

20 которые - коза и зелень.

И нечего доказывать - идите и берите.

Умолкнет газетная нечисть ведь.

Как баранов, надо стричь и брить их.

Чего стесняться в своем отечестве?

[1915]

ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЗЯТОЧНИКАМ

Неужели и о взятках писать поэтам!

Дорогие, нам некогда. Нельзя так.

Вы, которые взяточники,

хотя бы поэтому,

не надо, не берите взятки.

Я, выколачивающий из строчек штаны, -

конечно, как начинающий, не очень часто, я - еще и российский гражданин,

беззаветно чтущий и чиновника и участок.

10 Прихожу и выплакиваю все мои просьбы, прикивши щекою к светлomu кителю.

Думает чиновник: "Эх, удалось бы!

Этак на двести птичку вытелю".

Сколько раз под сень чиновник,

приносил обиды им.

"Эх, удалось бы, - думает чиновник, -

этак на триста бабочку выдоим".

Я знаю, надо и двести и триста вам -

возьмут, все равно, не те, так эти; 20 и руганью ни одного не обижу

пристава: может быть, у пристава дети.

Но лишний труд - доить поодиночно,

вы и так ведете в работе года.

Вот что я выдумал для вас нарочно -

Господа!

Взломайте шкапы, сундуки и ларчики, берите деньги и драгоценности
мамашины, чтоб последний мальчонка в потненьком кулачике

зажал сбереженный рубль бумажный.

30 Костюмы соберите. Чтоб не было рваных.

Мамаша! Вытряхивайтесь из шубы беличьей!

У старых брюк обшарьте карманы -

в карманах копеек на сорок мелочи.

Все это узлами уложим и свяжем,

а сами, без денег и платья,

придем, поклонимся и скажем:

Нате!

Что нам деньги, транжирам и мотам!

Мы даже не знаем, куда нам деть их.

40 Берите, милые, берите, чего там!

Вы наши отцы, а мы ваши дети.

От холода не попадая зубом н_а_ зуб, станем голые под голые небеса.

Берите, милые! Но только сразу,
Чтоб об этом больше никогда не писать.

[1915]

ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ

Мрачные до черного вышли люди,
тяжко и чинно выстроились в городе, будто сейчас набираться будет
хмурых монахов черный орден.

Траур воронов, выкаймленный под окна, небо, в бурю крашеное, -
все было так подобрано и подогнано, что волей-неволей ждалось
страшное.

Тогда разверзлась, кряхтя и нехотя, 10 пыльного воздуха сухая охра,
вылез из воздуха и начал ехать
тихий катафалк чудовищных похорон.

Встревоженная ожила глаз масса,
гору взоров в гроб бросили.

Вдруг из гроба прыснула гримаса,
после -

крик: “Хоронят умерший смех!” -
из тысячегрудного меха

гремел омиллионенный множеством эх

20 за гробом, который ехал.

И тотчас же отчаяннейшего плача ножи

врезались, заставив ничего не понимать.

Вот за гробом, в плаче, старуха-жизнь, -

усопшего смеха седая мать.

К кому же, к кому вернуться назад ей?

Смотрите: в лысине - тот -

это большой, носатый

плачет армянский анекдот.

Еще не забылось, как выкривил рот он, 30 а за ним ободранная, куцая,

визжа, бежала острота.

Куда - если умер - уткнуться ей?

Уже до неба плачей глыба.

Но еще,

еще откуда-то плачики -

это целые полчища улыбочек и улыбок

ломали в горе хрупкие пальчики.

И вот сквозь строй их, смокших в один

сплошной изрыдавшийся Гаршин,

40 вышел ужас - вперед пойти -

весь в похоронном марше.

Размокло лицо, стало - кашица,

смятая морщинками на выхмуренном лбу, а если кто смеется - кажется,
что ему разодрали губу.

[1915]

МОЕ К ЭТОМУ ОТНОШЕНИЕ

(ГИМН ЕЩЕ ПОЧТЕЕ) Май ли уже расцвел над городом,

плачет ли, как побитый, хмуренький декабрик, -

весь год эта пухлая морда

маячит в дымах фабрик.

Брюшком обвисшим и гаденьким

лежит на воздушном откосе,

и пухлые губы бантиком

сложены в 88.

Внизу суетятся рабочие,

10 нищий у тумбы виден,

а у этого брюхо и все прочее -

лежит себе сыт, как Сытин.

Вкусной слюны разлились волны,

во рту громадном плещутся, как в бухте, А полный! Боже, до чего он

полный!

Сравнить если с ним, то худ и Апухтин.

Кони ли, цокая, по асфальту мчатся, шарканье пешеходов ли подвернется под взгляд ему, а ему все кажется: “Цаца! Цаца!” -

20 кричат ему, и все ему нравится, проклятому.

Растет улыбка, жирна и нагла,

рот до ушей разросся,

будто у него на роже спектакль-гала

затеяла труппа малороссов.

Солнце взойдет, и сейчас же луч его

ему щекочет пятки холеные,

и луна ничего не находит лучшего.

Объявляю всенародно: очень недоволен я.

Я спокоен, вежлив, сдержан тоже,

30 характер - как из кости слоновой точен, а этому взял бы да и дал по роже:

не нравится он мне очень.

[1915]

Эй!

Мокрая, будто ее облизали,

толпа.

Прокисший воздух плесенью веет.

Эй!

Россия,

нельзя ли

чего поновее?

Блажен, кто хоть раз смог,

хотя бы закрыв глаза,

10 забыть вас,

ненужных, как насморк,

и трезвых,

как нарзан.

Вы все такие скучные, точно

во всей вселенной нету Капри.

А Капри есть.

От сияний цветочных

весь остров, как женщина в розовом капоре.

Помчим поезда к берегам, а берег

20 забудем, качая тела в пароходах.

Наоткрываем десятки Америк.

В неведомых полюсах вынежим отдых.

Смотри какой ты ловкий,
а я -
вон у меня рука груба как.
Быть может, в турнирах,
быть может, в боях
я был бы самый искусный рубака.
Как весело, сделав удачный удар,
30 смотреть, растопырил ноги как.
И вот врага, где предки,
туда
отправила шпаги логика.
А после в огне раззолоченных зал,
забыв привычку спанья,
всю ночь напролет провести,
глаза
уткнув в желтоглазый коньяк.
И, наконец, оцетинясь, как еж,
40 с похмельем придя поутру,
неверной любимой грозить, что убьешь
и в море выбросишь труп.
Сорвем ерунду пиджаков и манжет,

крахмальные груди раскрасим под панцырь, загнем рукоять на столовом
ноже,

и будем все хоть на день, да испанцы.

Чтоб все, забыв свой северный ум,

любились, дрались, волновались.

Эй!

50 Человек,

землю саму

зови на вальс!

Возьми и небо заново вышей,

новые звезды придумай и выставь,

чтоб, исступленно царапая крыши,

в небо карабкались души артистов.

[1916]

КО ВСЕМУ

Нет.

Это неправда.

Нет!

И ты?

Любимая,

за что,

за что же?!

Хорошо -

я ходил,

10 я дарил цветы,

я ж из ящичка не выкрал серебряных ложек!

Белый,

сшатался с пятого этажа.

Ветер щеки ожег.

Улица клубилась, визжа и ржа.

Похотливо взлазил рожок на рожок.

Вознес над суетой столичной одури

строгое -

древних икон -

20 чело.

На теле твоём - как на смертном одре -

сердце

Дни

кончило.

В грубом убийстве не пачкала рук ты.

Ты

уронила только:

”В мягкой постели

он,

30 фрукты,

вино на ладони ночного столика”.

Любовь!

Только в моем

воспаленном

мозгу была ты!

Глупой комедии остановите ход!

Смотрите -

срываю игрушки-латы

я,

40 величайший Дон-Кихот!

Помните:

под ношей креста

Христос

секунду

усталый стал.

Толпа орала:

”Марала!

Мааарррааала!”

Правильно!

50 Каждого,

кто

об отдыхе взмолится,

оплюй в его весеннем дне!

Армии подвижников, обреченным добровольцам

от человека пощады нет!

Довольно!

Теперь -

клянусь моей языческой силою! -

дайте

60 любую

красивую,

юную, -

души не растрочу,

изнасилую

и в сердце насмешку плюну ей!

Око за око!

Севы мести в тысячу крат жни!

В каждое ухо ввой:

вся земля -

70 каторжник

с наполовину выбритой солнцем головой!

Око за око!

Убьете,

похороните -

выроюсь!

Об камень обточатся зубов ножи еще!

Собакой забьюсь под нары казарм!

Буду,

бешеный,

80 вгрызаться в ножища,

пахнущие потом и базаром.

Ночью вскочите!

Я

звал!

Белым быком возрос над землей:

Муууу!

В ярмо замучена шея-язва,

над язвой смерчи мух.

Лосем обернусь,

90 в провода

впутая голову ветвистую

с налитыми кровью глазами.

Да!

Затравленным зверем над миром выстою.

Не уйти человеку!

Молитва у рта, -

лег на плиты просящ и грязен он.

Я возьму

намалюю

100 на царские врата

на божьем лице Разина.

Солнце! Лучей не кинь!

Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, -

чтоб тысячами рождались мои ученики

трубить с площадей анафему!

И когда,

наконец,

на веков верхи став,

последний выйдет день им, -

110 в черных душах убийц и анархистов

зажгусь кровавым видением!

Светает.

Все шире разверзается неба рот.

Ночь

пьет за глотком глоток он.

От окон зарево.

От окон жар течет.

От окон густое солнце льется на спящий город.

Святая месть моя!

120 Опять

над уличной пылью

ступенями строк ввысь поведи!

До края полное сердце

вылью

в исповеди!

Грядущие люди!

Кто вы?

Вот - я,

весь

130 боль и ушиб.

Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

[1916]

ЛИЛИЧКА!

ВМЕСТО ПИСЬМА

Дым табачный воздух выел.

Комната -

глава в крученыховском аде.

Вспомни -

за этим окном

впервые

руки твои, исступленный, гладил.

Сегодня сидишь вот,

сердце в железе.

10 День еще -

выгонишь,

может быть, изругав.

В мутной передней долго не влезет

сломанная дрожью рука в рукав.

Выбегу,

тело в улицу брошу я.

Дикий,

обезумлюсь,

отчаяньем иссежусь.

20 Не надо этого,

дорогая,

хорошая,

дай простимся сейчас.

Все равно

любовь моя -

тяжкая гиря ведь -

висит на тебе,

куда ни бежала б.

Дай в последнем крике вырветь

30 горечь обиженных жалоб.

Если быка трудом уморят -

он уйдет,

разляжется в холодных водах.

Кроме любви твоей,

мне

нету моря,

а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.

Захочет покоя уставший слон -

царственный ляжет в опожаренном песке.

40 Кроме любви твоей,

мне

нету солнца,

а я и не знаю, где ты и с кем.

Если б так поэта измучила,

он

любимую на деньги б и славу выменял, а мне

ни один не радостен звон,

кроме звона твоего любимого имени.

50 И в пролет не брошусь,

и не выпью яда,

и курок не смогу над виском нажать.

Надо мною,

кроме твоего взгляда,

не властно лезвие ни одного ножа.

Завтра забудешь,

что тебя короновал,

что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
60 растреплет страницы моих книжек...

Слов моих сухие листья ли

заставят остановиться,

жадно дыша?

Дай хоть

последней нежностью выстелить

твой уходящий шаг.

26 мая 1916 г. Петроград

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

Павлиньим хвостом распущу фантазию в пестром цикле, душу во власть
отдам рифм неожиданных рою.

Хочется вновь услышать, как с газетных столбцов

зацыкали

те,

кто у дуба, кормящего их,

корни рылами роют.

[1916]

НИКЧЕМНОЕ САМОУТЕШЕНИЕ

Мало извозчиков?

Тешьтеесь ложью.

Видана ль шутка площе чья!

Улицу врасплох огляните -

из рож ее

чья не извозчичья?

Поэт ли

поет о себе и о розе,

девушка ль

10 в локон выплетет ухо -

вижу тебя,

сошедший с козел

король трактиров,

ерник и ухарь.

Если говорят мне:

- Помните,

Сидоров

помер? -

не забуду,

20 удивленный,

глазами смерить их.

О, кому же охота

помнить номер

нанятого тащиться от рождения к смерти?!

Все равно мне,

что они коней не поят,

что утром не начищают дуг они -

с улиц,

с бесконечных козел

30 тупое

лицо их,

открытое лишь мордобою и ругани.

Дети,

вы еще

остались.

Ничего.

Подростете.

Скоро

в жиденьком кулачонке зажмете кнутовище, 40 матерной руганью

потрясая город.

Хожу меж извозчиков.

Шляпу н_а_ нос.

Торжественней, чем строчка державинских од.

День еще -

и один останусь

я,

медлительный и вдумчивый пешеход.

[1916]

НАДОЕЛО

Не высидел дома.

Анненский, Тютчев, Фет.

Опять,

тоскою к людям ведомый,

иду

в кинематографы, в трактиры, в кафе.

За столиком.

Сияние.

Надежда сияет сердцу глупому.

10 А если за неделю

так изменился россиянин,

что щеки сожгу огнями губ ему.

Осторожно поднимаю глаза,

роюсь в пиджачной куче.

”Назад,

наз-зад,

н_а_з_а_д!”

Страх орет из сердца.

Мечется по лицу, безнадежен и скучен.

20 Не слушаюсь.

Вижу,

вправо немножко,

неведомое ни на суше, ни в пучинах вод, старательно работает над
телячьей ножкой

загадочнейшее существо.

Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.

Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.

Два аршина безлицого розоватого теста: хоть бы метка была в уголочке
вышита.

30 Только колышутся спадающие на плечи

мягкие складки лоснящихся щек.

Сердце в исступлении,

рвет и мечет.

”Назад же!

Чего еще?”

Влево смотрю.

Рот разинул.

Обернулся к первому, и стало иначе: для увидевшего вторую образину

40 первый -

воскресший Леонардо да-Винчи.

Нет людей.

Понимаете

крик тысячедневных мук?

Душа не хочет немая идти,

а сказать кому?

Брошусь на землю,

камня корою

в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая.

50 Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев

покрою

умную морду трамвая.

В дом уйду.

Прилипну к обоям.

Где роза есть нежнее и чайнее?

Хочешь -

тебе

рябое

прочту “Простое как мычание”?

ДЛЯ ИСТОРИИ

Когда все расселятся в раю и в аду, 60 земля итогами подведена будет -

помните:

в 1916 году

из Петрограда исчезли красивые люди.

[1916]

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

Женщину ль опутываю в трогательный роман, просто на прохожего
гляжу ли -

каждый опасливо придерживает карман.

Смешные!

С нищих -

что с них сжулить?

Сколько лет пройдет, узнают пока -

кандидат на сажень городского морга -

я

10 бесконечно больше богат,

чем любой Пьерпонт Морган.

Через столько-то, столько-то лет

- словом, не выживу -

с голода сдохну ль,

стану ль под пистолет -

меня,

сегодняшнего рыжего,

профессор_а_ разучат до последних йот, как,

20 когда,

где явлен.

Будет

с кафедры лобастый идиот

что-то молот о богодьяволе.

Склонится толпа,

лебезяца,

суетна.

Даже не узнаете -

я не я:

30 облысевшую голову разрисует она

в рога или в сияния.

Каждая курсистка,

прежде чем лечь,

она

не забудет над стихами моими замлеть.

Я - пессимист,

знаю -

вечно

будет курсистка жить на земле.

40 Слушайте ж:

все, чем владеет моя душа,

- а ее богатства пойдите смертьте ей! -

великолепие,

что в вечность украсит мой шаг,

и самое мое бессмертие,

которое, громяхая по всем векам,

коленопреклоненных соберет мировое вече, -

все это - хотите? -

сейчас отдам

50 за одно только слово

ласковое,

человечье.

Люди!

Пыля проспекты, топоча рожь,

идите со всего земного лона.

Сегодня

в Петрограде

на Надеждинской

ни за грош

60 продается драгоценнейшая корона.

За человечье слово -

не правда ли, дешево?

Пойди,

попробуй, -

как же,

найдешь его!

[1916]

МРАК

Склоняются долу солнцеподобные лики их

И просто мрут,

и давятся,

и тонут.

Один за другим уходят великие,

за мастодонтом мастодонт...

Сегодня на Верхарна обиделись небеса.

Думает небо -

дай

10 зашибу его!

Господи,

кому теперь писать?

Неужели Шебуеву?

Впрочем -

пусть их пишут.

Не мне в них рыться.

Я с характером.

Вол сам.

От чтенья их

20 в сердце заводится мокрица
и мозг зарастает густейшим волосом.
И писать не буду.
Лучше
проверю,
не широка ль в “Селекте” средняя луза.
С Фадеем Абрамовичем сяду играть в око.
Есть
у союзников французов
хорошая пословица:
30 “Довольно дураков”.
Пусть писатели начинают.
Подожду.
Посмотрю,
какою дрянью значиняют
чемоданы душ.
Вспомнит толпа о половом вопросе.
Дальше больше оскудеет ум ее.
Пойдут на лекцию Поссе:
”Финики и безумие”.
40 Иззахолустничается.

Станет - Чита.

Футуризмом покажется театр Мосоловой.

Дома запрется -

по складам

будет читать

”Задуманное слово”.

Мысль иссушится в мелкий порошок.

И когда

останется смерть одна лишь ей,

50 тогда...

Я знаю хорошо -

вот что будет дальше.

Ко мне,

уже разукрашенному в проседь,

придет она,

повиснет на шею плакучей ивою:

”Владимир Владимирович,

милый” -

попросит -

60 я сяду

и напишу что-нибудь

замечательно красивое.

[1916]

ЛУННАЯ НОЧЬ

ПЕЙЗАЖ

Будет луна.

Есть уже

немножко.

А вот и полная повисла в воздухе.

Это бог, должно быть,

дивной

серебряной ложкой

роется в звезд ух_е_.

[1916]

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Вбежал.

Запыхался победы гонец:

”Довольно.

К веселью!

К любви!

Грустящих к черту!

Уныньям конец!”

Какой сногшибательней вид?

Цилиндр на затылок.

10 Штаны - пила.

Пальмерстон застегнут наглухо.

Глаза -

двум солнцам велю пылать

из глаз

неотразимо наглых.

Афиш подлиннее.

На выси эстрад.

О, сколько блестящего вздора вам!

Есть ли такой, кто орать не рад:

20 “Маяковский!

Браво!

Маяковский!

Здо-ро-воо!”

Мадам, на минуту!

Что ж, что стара?

Сегодня всем целоваться.

За мной!

Смотрите,

сие - ресторан,

30 Зал зацвел от оваций.

Лакеи, вин!

Чтобы все сорта.

Что рюмка?

Бочки гора.

Пока не увижу дно,

изо рта

не вырвать блестящий кран...

Домой - писать.

Пока в крови

40 вино

и мысль тонка.

Да так,

чтоб каждая палочка в "и"

просилась:

"Пусти в канкан!"

Теперь - на Невский.

Где-то

в ногах

толпа -трусящий заяц,

50 и только

по дамам прокатывается:

”Ах,

какой прекрасный мерзавец!”

[1916]

В. Я. БРЮСОВУ НА ПАМЯТЬ

”Брюсов выпустил окончание поэмы

Пушкина “Египетские ночи”. Альма-
нах “Стремнины”.

Разбоя след затерян прочно

во тьме египетских ночей.

Проверив рукопись

построчно,

гроши отсыпал казначей.

Бояться вам рожна какого?

Что

против - Пушкину иметь?

Его кулак

10 навек закован

в спокойную к обиде медь!

[1916]

ХВОИ

Не надо.

Не просите.

Не будет елки.

Как же

в лес

отп_у_стите папу?

К нему

из-за леса

ядер осколки

10 протянут,

чтоб взять его,

хищную лапу.

Нельзя.

Сегодня

горящие блески

не будут лежать

под елкой

в вате.

Там -

20 миллион смертоносных осок

ужалят,

а раненым ваты не хватит.

Нет.

Не зажгут.

Свечей не будет.

В море

железные чудища лезят.

А с этих чудищ

злые люди

30 ждут:

не блеснет ли у окон в глазе.

Не говорите.

Глупые речь заводят:

чтоб дед пришел,

чтоб игрушек ворох.

Деда нет.

Дед на заводе.

Завод?

Это тот, кто делает порох.

40 Не будет музыки.

Р_у_ченек

где взять ему?

Не сядет, играя.

Ваш брат

теперь,

безрукий мученик,

идет, сияющий, в воротах рая.

Не плачьте.

Зачем?

50 Не хмурьте личек.

Не будет -

что же с того!

Скоро

все, в радостном кличе

голоса сплетая,
встретят новое Рождество.

Елка будет.

Да какая -

не обхватишь ствол.

60 Навесят на елку сиянья разного.

Будет стоять сплошное Рождество.

Так что

даже -

надоест его праздновать.

[1916]

СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ, ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ АВТОР

Четыре.

Тяжелые, как удар.

”Кесарево кесарю - богу богово”.

А такому,

как я,

ткнуться куда?

Где для меня уготовано логово?

Если б был я
маленький,
10 как Великий океан, -
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!
О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
20 Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний.
Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!
И слова
и любовь моя -

триумфальная арка:

30 пышно,

бесследно пройдут сквозь нее

любовницы всех столетий.

О, если б был я

тихий,

как гром, -

ныл бы,

дрожаю объял бы земли одряхлевший скит.

Я

если всей его мощью

40 выреву голос огромный -

кометы заломят горящие руки,

бросятся вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи -

о, если б был я

тусклый,

как солнце!

Очень мне надо

сияньем моим поить

земли отощавшее лонце!

50 Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи,
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зач_а_т -
такой большой
и такой ненужный?
[1916]

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ СКАЗКА

Стоит император Петр Великий,
думает:
”Запирую на просторе я!” -
а рядом
под пьяные клики
строится гостиница “Астория”.
Сияет гостиница,
за обедом обед она
дает.

10 Завистью с гранита снят,
слез император.

Трое медных
слазят

тихо,
чтоб не спугнуть Сенат.

Прохожие стремились войти и выйти.

Швейцар в поклоне не уменьшил рост.

Кто-то

рассеянный

30 бросил:

”Извините”,

наступив нечаянно на змеин хвост.

Император,

лошадь и змей

неловко

по карточке

спросили гренадин.

Шума язык не смолк, немея.

Из пивших и евших не обернулся ни один.

30 И только

когда

над пачкой соломинок

в коне заговорила привычка древняя, толпа сорвалась, криком сломана:

- Жует!

Не знает, зачем они.

Древняя!

Стыдом овихрены шаги коня.

Выбелена грива от уличного газа.

40 Обратно

по Набережной

гонит гиканье

последнюю из петербургских сказок.

И вновь император

стоит без скипетра.

Змей.

Унынье у лошади на морде.

И никто не поймет тоски Петра -

узника,

50 закованного в собственном городе.

[1916]

РОССИИ

Вот иду я,
заморский страус,
в перьях строф, размеров и рифм.
Спрятать голову, глупый, стараюсь,
в оперенье звенящее врыв.
Я не твой, снеговая уродина.
Глубже
в перья, душа, уложись!
И иная окажется родина,
10 вижу -
выжжена южная жизнь.
Остров зноя.
В пальмы овазился.
"Эй,
дорогу!"
Выдумку мнут.
И опять
до другого оазиса
вью следы песками минут.

20 Иные жмутся -

уйти б,

не кусается ль? -

Иные изогнуты в низкую лесть.

”Мама,

а мама,

несет он яйца?” -

”Не знаю, душечка.

Должен бы несть”.

Ржут этажия.

30 Улицы пелятся.

Обдают водой холода.

Весь истыканый в дымы и в пальцы,

переваливаю года.

Что ж, бери меня хваткой мерзкой!

Бритвой ветра перья обрей.

Пусть исчезну,

чужой и заморский,

под неистовства всех декаблей.

[1916]

БРАТЬЯ ПИСАТЕЛИ

Очевидно, не привыкну

сидеть в “Бристоле”,

пить чай,

построчно врать я, -

опрокину стаканы,

взлезу на столик.

Слушайте,

литературная братия!

Сидите,

10 глазенки в чайшко канув.

Вытерся от строчения локоть плюшевый.

Подымите глаза от недопитых стаканов.

От косм освободите уши вы.

Вас,

прилипших

к стене,

к обоям,

милые,

что вас со словом свело?

20 А знаете,

если не писал,

разбоем

занимался Франсуа Виллон.

Вам,

берущим с опаской

и перочинные ножи,

красота великолепнейшего века вверена вам!

Из чего писать вам?

Сегодня

30 жизнь

в сто крат интересней

у любого помощника присяжного поверенного.

Господа поэты,

неужели не наскучили

пажи,

дворцы,

любовь,

сирени куст вам?

Если

40 такие, как вы,

творцы -

мне наплевать на всякое искусство.

Лучше лавочку открою.

Пойду на биржу.

Тугими бумажниками растопырю бока.

Пьяной песней

душу выржу

в кабинете кабака.

Под копны волос проникнет ли удар?

50 Мысль

одна под волосища вложена:

”Причесываться? Зачем же?!

На время не стоит труда,

а вечно

причесанным быть

невозможно”.

[1917]

РЕВОЛЮЦИЯ

ПОЭТОХРОНИКА

26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией, солдаты стреляли в народ.

27-е.

Разлился по блескам дул и лезвий

рассвет.

Рдел багрян и долог.

В промозглой казарме

суровый

трезвый

молился Волынский полк.

Жестоким

солдатским богом божились

10 роты,

бились об пол головой многолобой.

Кровь разжигалась, висками жилилась.

Руки в железо сжимались злобой.

Первому же,

приказавшему -

”Стрелять за голод!” -

заткнули пулей орущий рот.

Чье-то -“Смирно!”

Не кончил.

20 Заколот.

Вырвалась городу буря рот.

9 часов.

На своем постоянном месте

в Военной автомобильной школе

стоим,

зажатые казарм оградой.

Рассвет растет,

сомненьем колет,

предчувствием страха и радужа.

Окну!

30 Вижу -

оттуда,

где режется небо

дворцов иззубленной линией,

взлетел,

простерся орел самодержца,

черней, чем раньше,

злей,

орлинее.

Сразу -

40 люди,
лошади,
фонари,
дома
и моя казарма
толпами
по сто
ринулись на улицу.
Шагами ломаемая, звенит мостовая.
Уши крушит невероятная поступь.
50 И вот неведомо,
из пенья толпы ль,
из рвущейся меди ли труб гвардейцев
нерукотворный,
сияньем пробивая пыль,
образ возрос.
Горит.
Рдеется.
Шире и шире крыл окружие.
Хлеба нужней,
60 воды изжажданней,

вот она:

”Граждане, за ружья!

К оружию, граждане!”

На крыльях флагов

стоглавой лавою

из горла города ввысь взлетела.

Штыков зубами вгрызлась в двуглавое

орла императорского черное тело.

Граждане!

70 Сегодня рушится тысячелетнее “Прежде”, Сегодня пересматривается
миров основа.

Сегодня

до последней пуговицы в одежде

жизнь переделаем снова.

Граждане!

Это первый день рабочего потопа.

Идем

запутавшемуся миру на выручу!

Пусть толпы в небо вбивают топот!

80 Пусть флоты ярость сиренами вырычат!

Горе двуглавному!

Пенится пенье.

Пьянит толпу.

Площади плещут.

На крохотном форде

мчим,

обгоняя погони пуль.

Взрывом гудков продираемся в городе.

В тумане.

90 Улиц река дымит.

Как в бурю дюжина груженных барж,

над баррикадами

плывет, громохая, марсельский марш.

Первого дня огневое ядро

жужжа скатилось за купол Думы.

Нового утра новую дрожь

встречаем у новых сомнений в бреде мы.

Что будет?

Их ли из окон выломим,

100 или на нарах

ждать,

чтоб снова

Россию

могилами

выгорбил монарх?!

Душу глушу об выстрел резкий.

Дальше,

в шинели орыт.

Рассыпав дома в пулеметном треске,

110 город грохочет.

Город горит.

Везде языки.

Взовьются и лягут.

Вновь взвиваются, искры рассея.

Это улицы,

взяв по красному флагу,

призывом зарев зовут Россию.

Еще!

О, еще!

120 О, ярче учи, красноязыкий оратор!

Зажми и солнца

и лун лучи

мстящими пальцами тысячерукого Марата!

Смерть двуглавному!

Каторгам в двери

ломись,

когтями ржавые выев.

Пучками черных орлиных перьев

подбитые падают городовые.

130 Сдается столицы горящий остов.

По чердакам раскинули поиск.

Минута близко.

На Троицкий мост

вступают толпы войск.

Скрип содрогает устои и скрепы.

Стиснулись.

Бьемся.

Секунда! -

и в лак

140 заката

с фортов Петропавловской крепости

взвился огнем революции флаг.

Смерть двуглавному!

Шеищи глав

рубите наотмашь!

Чтоб больше не ожил.

Вот он!

Падает!

В последнего из-за угла! -вцепился.

150 “Боже,

четыре тысячи в лоно твое прими!”

Довольно!

Радость трубите всеми голосами!

Нам

до бога

дело какое?

Сами

со святыми своих упокоим.

Что ж не поете?

160 или

души задушены Сибирей саваном?

Мы победили!

Слава нам!

Сла-а-ав-в-ва нам!

Пока на оружии рук не разжали,

повелевается воля иная.

Новые несем земле скрижали

с нашего серого Синая.

Нам,

170 Поселянам Земли,

каждый Земли Поселянин родной.

Все

по станкам,

по конторам,

по шахтам братья.

Мы все

на земле

солдаты одной,

жизнь созидающей рати.

180 Пробеги планет,

держав бытие

подвластны нашим волям.

Наша земля.

Воздух - наш.

Наши звезд алмазные копи.

И мы никогда,

никогда!

никому,

никому не позволим!

190 землю нашу ядрами рвать,

воздух наш раздирать остриями отточенных

копий.

Чья злоба н_а_двое землю сломала?

Кто вздыбил дымы над заревом боен?

Или солнца

одного

на всех мало?!

Или небо над нами мало голубое?!

Последние пушки грохочут в кровавых спорах, последний штык заводы
гранят.

200 Мы всех заставим рассыпать порох.

Мы детям раздарим мячи гранат.

Не трусость вопит под шинелью серую, не крики тех, кому есть нечего;

это народа огромного громовое:

- Верую

величию сердца человеческого! -

Это над взбитой битвами пылью,

над всеми, кто грызся, в любви изверясь, днесь

210 небывалой сбывается былью

социалистов великая ересь!

17 апреля 1917 года, Петроград

ПОДПИСИ К ПЛАКАТАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА “ПАРУС”

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ ПОСЛЕДНЕГО

”Радуйся, Саша!

Теперь водка наша”.

”Как же, знаю, Коля, я:

теперь монополия”.

ЗАБЫВЧИВЫЙ НИКОЛАЙ

”Уж сгною, скручу их уж я!” -

думал царь, раздавши ружья.

Да забыл он, между прочим,

что солдат рожден рабочим.

[1917]

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Жил да был на свете кадет.

В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету, ни черта в нем красного не было и нету.

Услышит кадет - революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшуций ветер, 10 в клочья шапчонку изорвал на кадете.

И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно, какая у волков диета.

Вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети, не забудьте сказочку об этом кадете.

[1917]

К ОТВЕТУ!

Гремит и гремит войны барабан.

Зовет железо в живых втыкать.

Из каждой страны

за рабом раба

бросают на сталь штыка.

За что?

Дрожит земля

голодна,

раздета.

10 Выпарили человечество кровавой баней

только для того,

чтоб кто-то

где-то

разжился Албанией.

Сцепилась злость человеческих свор,

падает на мир за ударом удар

только для того,

чтоб бесплатно

Босфор

20 проходили чьи-то суда.

Скоро

у мира

не останется неполоманного ребра.

И душу вытащат.

И растопчут там ее

только для того,

чтоб кто-то

к рукам прибрал

Месопотамию,

30 Во имя чего

сапог

землю растаптывает скрипящ и груб?

Кто над небом боев -

свобода?

бог?

Рубль!

Когда же встанешь во весь свой рост

ты,

отдающий жизнь свою им?

40 Когда же в лицо им бросишь вопрос: за что воюем?

[1917]

Нетрудно, ландышами дыша,
писать стихи на загородной дачке.

А мы не такие.

Мы вместо карандаша

взяли в руки

по новенькой тачке.

Господин министр,

прикажите подать!

Кадет, пожалуйста, садитесь, нате.

10 В очередь!

В очередь!

Не толпитесь, господа.

Всех прокатим.

Всем останется - и союзникам и врагам.

Сначала большие, потом мелкота.

Всех по России

сквозь смех и гам

будем катать.

Испуганно смотрит

20 неvский аристократ.

Зато и Нарвская,

и Выборгская,

и Охта

стократ

раскатят взрыв задорного хохота.

Ищите, не завалялась ли какая тварь еще?

Чтоб не было никому потачки.

Время не ждет,

спешите, товарищи!

30 Каждый берите по тачке!

[1917]

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ

Петух однажды,

дог

и вор

такой скрепили договор:

дог

соберет из догов свору,

накрасть предоставлялось вору,

а петуху

про гром побед

10 орать,

и будет всем обед.

Но это все раскрылось скоро.

Прогнали

с трона

в шею

вора.

Навертывается мораль:

туда же

Догу

20 не пора ль?

[1917]

Ешь ананасы, рябчиков жуй,

День твой последний приходит, буржуй.

[1917]

ВАРИАНТЫ и РАЗНОЧТЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ночь

”Пощечина общественному вкусу”:

11 И каждый хотел протащить хоть немножко.

Утро

”Пощечина общественному вкусу”:

8-10 Нее, легко встающих звезд оперлись

Ноги.

30 костров

Порт

”Садок судей”:

Заглавие - Отплытие.

1-6 Простыню вод под брюхом крылий

порвал на волны белый зуб

был вой трубы как запах лилий
любовь кричавших медью труб.
И взвизг сирен забыл у входов
недоуменье фонарей.

Уличное

”Садок судей”:

Заглавие отсутствует.

8 Скрестили синих молний копыя

9 В резной руке единый глаз

12 Безглазым ликом Василиска.

Из улицы в улицу

Листовка “Пощечина общественному вкусу”: Заглавие отсутствует.

18-19 Пестр как фо-

рель-сы

Н

42-43 С улицы синий чулок

”Требник троих”:

Заглавие - Разговариваю с солнцем у Сухаревой башни.

18-19 Пестр как фо-

Рель-сы-

Н

23 Тянет из пасти трамваев

27 Лифт

28 Души

42-43 С улицы синий чулок

А вы могли бы?

Автограф

6 Прочел я зовы вещей губ,

10 на флейтах водосточных труб?

”Требник троих”:

Заглавие отсутствует

1 Я стер границы в карте будня

3 И показал на блюде студня

6 Прочел я зовы вещей губ

10 На флейтах водосточных труб?

В тексте альманаха сначала следуют строки

5-10, потом строки 1-4.

Фонографическая запись:

10 на флейтах водосточных труб

Вывескам

”Требник троих”:

Заглавие отсутствует.

2-5 Под флейтой золоченной буквы

Копченые выползут сиги

И нежные головы брюквы.

И если с веселостью песьей

9-10 Когда же узрите в парче вен

Светилен махровые знаки

Кое-что про Петербург

”Требник троих”:

Заглавие отсутствует.

6 Туда где моря блещут блюда

8 Реки двугорбого верблюда

”Простое как мычание”:

Заглавие - Кое-что про Петроград.

За женщиной

”Требник троих”:

Заглавие отсутствует.

5 В расплавах меди домов полуда

13-16 {*} Спугнув

19 И вырвав солнце из черной сумки

{* Здесь и далее в подобных случаях точками обозначаются цензурные изъятия.}

”Простое как мычание”, “.Все сочиненное”, “13 лет работы”: 20 ударил злобно по ребрам крыши

Кроме того “Простое как мычание”:

14 арканом в небе поймали...

Я

Сборник “Я!”:

4 Бьют жестких фраз пяты

15 Города-

вые

”Дохлая луна”:

15 городо-

вые

Несколько слов о моей жене

Сборник “Я!”, “Дохлая луна” (1 и 2 изд.): 6-8 Крикливо тянется любовь
созвездий пестрополосая

Венчается с автомобильным гаражем

Целуется с газетными киосками

14 В шелках озерных ведь ты же висла

19-20 Ведь это ж дочь твоя моя же песня

”Простое как мычание”:

7 Венчается с автомобильным гаражем

8 целуется с газетными киосками

Несколько слов о моей маме

Сборник “Я!”, “Дохлая луна” (1 изд.): Заглавие - О моей маме.

7 Что опять увижу

25-26 Кто же приласкает золотые руки

Вывеской изломанные

У витрин Аванцо?

”Дохлая луна” (2 изд.):

Заглавие - О моей маме.

Несколько слов обо мне самом

Сборник “Я!”, “Дохлая луна” (1 изд.): Заглавие - Теперь про меня.

2-3 Вы прибося смеха

Мглистый вал

Заметили б за слоновьим хоботом

7-8 А полночь промокшими пальцами щупала

12 Скакал сумасшедше топор

13 Я вижу он сквозь город бежал

17 Слов исступленных вонзая кинжал

21 сжался ж хоть ты и не мучай

23-24 Это ж душа моя клочьями порванной тучи

31 Я ж одинок как последний глаз

”Дохлая луна” (2-е изд.):

Заглавие - Теперь про меня.

З заметили б за тоски слоновьим хоботом

7-8 А полночь промокшими пальцами щупала

12 скакал сумасшедше собор

13 Я вижу... сквозь город бежал

21 Сжался ж хоть ты и не мучай

23-24 Это ж душа моя клочьями порванной тучи

30 в божнице уродца века

31 я ж одинок, как последний глаз

Исчерпывающая картина весны

Автограф:

Листочки

Лес поставил после

точки строчек лис

точки.

”Дохлая луна” (1 и 2 изд.):

1-3 Лис-

Точки

После

Точки

Строчек

Лис-

Точки.

В 1 издании альманаха заглавие - Весна.

От усталости

”Дохлая луна” (1 и 2 изд.), корректура “Для первого знакомства”: 11-12
Сестра в богадельнях идущих веков

Любовь

”Дохлая луна” (1 изд.):

1 Женщина пугливо куталась в болото

3-5 В шпалах копошился рыжеватый кто-то

И упорно в буклях проходили локомотивы

Но в облачные пары сквозь солнечный угар

8 А женщина поцелуи кидает как окурки

”Дохлая луна” (2 изд.), корректура “Для первого знакомства”: 5 Но в
облачные пары сквозь солнечный угар

8 А женщина поцелуи кидает как окурки

”Простое как мычание”:

4 укорно в буклях проходили локомотивы.

8 а женщина поцелуи бросает как окурки.

Мы

”Дохлая луна” (1 изд.):

Заглавие отсутствует.

1 Ле-

Зем

Зем

Ле

3-4 На губах каналов дредноутов улыбки поймать

10 Черные перья дьяволов бросим любимым на шляпы

”Дохлая луна” (2 изд.):

1 Ле-

Зем

Зем-

Ле

3-4 На губах каналов дредноутов улыбки поймать

11 Перья линяющих бросим любимым на шляпы

Шумики, шумы и шумищи

”Дохлая луна” (1 и 2 изд.):

Заглавие отсутствует.

5 Пронесут девочки крохотные шумики

6 И ящики гула пронесет грузовоз

8 И трамвай расплещет перекаты гроз, 9 И все на площадь сквозь тоннели пассажей

12 На царство толкучек коронован шум.

Адище города

”Молоко кобылиц”:

Заглавие - Зигзаги в вечер.

3 Как рыжие дьяволы скакали автомобили

7 И заплакал когда в вечернем смерче

9 А в дырах небоскребов где горела руда

”Простое как мычание”:

3 Как рыжие дьяволы, вздымались автомобили, Нате!

”Рыкающий Парнас”:

5 Вот вы, мужчины - у вас в усах капуста

7-9 Вот вы, женщины: у вас белила густо, Вы смотрите устрицами из раковин вещей.

И все вы на бабочку поэтиного сердца

11 Толпа озверевает и будет тереться, 13 А если сегодня мне, неотесанному гунну, 17 Бесценных слов я - транжир и мот.

”Для первого знакомства”:

6 где то недокушанных щей

11 Толпа озверевает и будет тереться

”Простое как мычание”, “Все сочиненное”, “13 лет работы”, “Избранный Маяковский”:

6 где-то недокушанных щей;

Ничего не понимают

”Рыкающий Парнас”:

Заглавие - Пробиваясь кулаками.

1 Я подошел к зеркалу,

Сказал спокойно:

3 Гладкий парикмахер вдруг сделался хвойный, 8 Ругань врывалась от писка до писка.

”Для первого знакомства”:

1 Я вошел к парикмахеру сказал спокойный

3 Гладкий парикмахер сделался сразу хвойный

В авто

”Кофта фата”:

14-15 “О”

“S”

Кофта фата

”Первый журнал русских футуристов”, корректура “Для первого знакомства”:

В журнальном тексте заглавие отсутствует. В корректуре сборника заглавие -

”Желтая кофта”.

3-4 И желтую кофту из трех аршинов заката

И по Невскому мира по лощеным полосам его

9 На глади асфальта мне

”хаашо грасировать”

11 А земля мне любовница в праздничной чистке

”Простое как мычание”:

13 Острые и нужные, как зубочистки!

Послушайте!

”Первый журнал русских футуристов”: Заглавие отсутствует.

8-9 Торопится на небо боится что опоздал

10-11 Плачет и целует жилистую руку

12-13 И просит чтоб обязательно была звезда

14-15 Клянется что не перенесет эту беззвездную муку

16-18 А после ходит тревожный и

Спокойный наружно

19-21 И говорит кому то ведь теперь ничего не страшно.

Фонографическая запись:

6 Надрываясь

11-15 И целует ему жилистую руку

и просит -

чтобы обязательно была звезда! -

Клянется -

что не перенесет эту беззвездную муку!

А все-таки

”Первый журнал футуристов”:

Заглавие - Еще я.

1 Улица проваливалась как нос сифилитика

7-8 Одев на голову как рыжий парик

А людям страшно что у меня изо рта

10-13

15-20 Ведь меня одного сквозь горящие здания

Проститутки как... на руках понесут

И покажут... в свое оправдание

И... заплачет над моей книжкой

Не слова а судороги смешивая комом

И побежит по... с моими стихами под мышкой

Корректурa “Для первого знакомства”: 1 Улица проваливалась как нос сифилитика

7 надев на голову рыжий парик

11 Как пророку цветами устелят след

12-13 Ведь все эти провалившиеся носами знают

Что я их поэт

15 Ведь меня одного сквозь горящие здания

19 Не слова, а судороги, слившиеся комом

Сборник “Для первого знакомства”:

1 Улица проваливалась как нос сифилитика

7 Надев на голову как рыжий парик

11 Как пророку цветами устелят след

13 Я их поэт

19 Не слова а судороги слившиеся комом

Еще Петербург

”Первый журнал русских футуристов”: Заглавие - Утро Петербурга.

7 А с крыш смотрела какая то дрянь

”Простое как мычание”:

Заглавие - Еще Петроград.

Война объявлена

Журн. “Новая жизнь”, альм. “Война”: 5-6 Громадную морду обернула кофейня, Зверем рыча из окровавленного грима...

21 Вздываются на площади за ротой рота

25 Газетчики надрывались: “Вечернюю! Вечернюю!”

27 А из ночи, черно очерченной чернью

”Весеннее контрагентство муз”:

Посвящение - Светлой О.В.Р. - эти стихи.

27 А из ночи, черно очерченной чернью, После 28-20 июля 1915 г. (см. примечания) “Простое как мычание”, “Все сочиненное”, “13 лет работы”: 5
Морду разбила кофейня,

27 Из ночи, черно очерченной чернью, Мама и убитый немцами вечер

Беловой автограф, “Новь”, “Весеннее контрагентство муз”, “Простое как мычание”:

28 как мертвый кулак с зажатой обоймой.

”Весеннее контрагентство муз”:

Посвящение: Светлой О.В.Р. - эти стихи.

После 49 - Октябрь 1915 г. (см. примечания) Скрипка и немножко нервно

Беловой автограф:

Заглавие - Немножко нервно и скрипка.

6-7 А сам больной, не дослушал скрипкиной речи, 19-21 Когда контрабас меднорожий и потный

27-28 и шатаюсь пошел через ноты

и сгибающиеся под ужасом пюпитры

29 отсутствует

34-35 Я вот тоже кричу,

44 отсутствует

45 Будемте жить вместе

”Театр в карриатурах”:

Те же разночтения, кроме строк 44 и 45, совпадающих с основным текстом.

”Простое как мычание”:

45 будемте жить вместе!

Я и Наполеон

Беловой автограф:

16 Уличные толпы небесной влаге

22 А бульварный цветник истекает кровью

60 Он раз [к] чуме приблизился тронем

62 Я ж каждый день иду к зачумленным

73 За мной же изъеденные бессонницей

”Весеннее контрагентство муз”:

Посвящение - Светлой О.В.Р. - эти стихи.

16 Уличные толпы небесной влаге

20церковка бульварному изголовью

22 А бульварный цветник истекает кровью, 32-34 Через секунду, встречу
я неб

62 Я ж каждый день иду к зачумленным

73 За мной же изъеденные бессонницей!

После 92 - Москва 1915 г.

”Простое как мычание”, “Все сочиненное”, “13 лет работы”: 16 Уличные
толпы небесной влаге

Вам!

Альм. “Взял”.

Заглавие - Вам которые в тылу.

3 как вам не стыдно о представленных Георгию

5-7 Вот вы прохвосты бездарные многие

Все думаете нажраться лучше как

А может быть сейчас бомбой ноги

9 Если бы он

Гимн судье

”Новый сатирикон”:

Заглавие - Судья.

2 С трудом выгребая галеру,

6 Где птицы, танцы и бабы,

15 Глаза у судьи - как пара жестянок

38-39 И зря ему дали галеру,

Ведь судьи мешают и птице, и танцу, “Простое как мычание”:

Заглавие - Судья.

13 И птиц, и танцы, и всех перуанок

17-18 На хвост павлиний оранжево синий

взглянул он строгий, как пост,

39 Ведь судьи мешают и птице, и танцу, “Кофта фата”:

Заглавие - Судья.

6 Где птицы, танцы и бабы

39 Судьи ж мешают и птице и танцу

Фонографическая запись:

15 Глаза у судьи, как пара жестянок

37 А все-таки, знаете, жаль перуанца

39 Ведь судьи мешают и птице, и танцу.

Гимн ученому

”Новый сатириконт”, “Кофта фата”:

Заглавие - Ученый.

3 Ощетинив щетину и выперев перья, -

Военно-морская любовь

Фонографическая запись:

12 убежала миноносица

Гимн здоровью

”Новый сатирикон”:

2 С трудом поворачивая шею бычью,

15 Голодных самок накормим желания, Гимн критику

Список, сделанный К. И. Чуковским с черновой рукописи: 1 От страсти извозчика к разговорчивой прачке

3 Ребенок не мусор: не вывезешь на тачке

5 Отец разговаривал, вспоминая родословную

7 Такое воспитание, изящное и салонное, 8 Оберегало ребенка от уклона в свинство.

9 Как роется дворником к белошвейке сапа

11 От нее ребенок унаследовал запах.

12 И способность легко проникать, как мыло

13 И когда он вырос приблизительно с полено

14 I И веснушки выступили как рыжики на блюде

II И веснушки высыпали, как рыжики на блюде.

16 Вывели на улицу, чтобы вышел в люди.

17 Много ли человеку нужно: клочек, 18 небольшие брюки и чтонибудь из хлеба

19 Он носом, прицепленным, как подстрочный пяточок, 20 обнюхал серенькое газетное небо.

22 нежнейший в дверь услышал стук

24 Выдоил и брюки, и “недописано· галстук.

25 Хорошо ему было, обутому и одетому

26 молодых искателей наблюдать “недописано· игры

27 хорошо бы вцепиться ну хотя бы этому

28 скверными зубенками в шальные икры.

29-32 Зато если “недописано·

Как велик был “недописано· или Дант, Так и кажется, что разлагается в газете

Огромный и жирный официант.

33-34 отсутствуют

35-36 Имя его пер “недописано· голубя белей
первым засияет на поднесенном портсигаре.

38 Писатели! Нас много, соберемте миллион

40 Ежедневно прополаскивать на газетной странице.

”Новый сатирикон, корректура “Для первого знакомства”: 5 Отец в разговорах вспоминал родословные, 12 И способность вникать легко, как мыло.

16 Провели на улицу, чтоб вышел в люди.

17 Много ли человеку нужно? - Ключок, 23 Скоро критик из именитого вымени

27 И думать, как хорошо, ну, хотя бы этому

37 Писатели, нас много! Соберемте миллион

“13 лет работы”, “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский

издевается”:

37 Писатели, нас много. Соберемте миллион.

Гимн обеду

”Новый Сатирикон”:

6 Тысячу Реймсов разбить удалось бы -

14 Их зря отец твой выделал,

21 Лежи спокойней, безглазый, безухий, “Для первого знакомства”:

4 и тысячи блюдищ всякой пищи

6 тысячу Реймсов разбить удалось бы

14 их зря отец твой выделал

21 лежи спокойней, безглазый, безухий

Теплое слово кое-каким порокам

”Новый сатирикон”:

Подзаголовок отсутствует.

29 Игроческие глаза из ночи

31 Я разгружал какого-то, как настойчивый рабочий

37 И когда говорят мне про труд и еще и еще, 40 “А вы покупаете к пятерке?”

Вот так я сделался собакой

”Новый сатирикон”, “Для первого знакомство”: Подзаголовок - Нам. Вам. Им.

1 Ну, это уже совершенно невыносимо.

38 большой и собачий!

41 Ко второму прибавился третий и четвертый.

46-47 огромная и злая, -

50 Гав! Ав! Ав!

”Простое как мычание”:

1 Ну, это уже совершенно невыносимо.

50 Гав! Ав! Ав!

Кое-что по поводу дирижера

”Новый сатирикон”, “Для первого знакомства”: 2 Кресла облиты в
человечью мякоть, 4 Приказав музыкантам плакать.

7 Труба, изловчившись, в спокойную морду

9 И еще не успел он между икотами

11 Его, избитого тромбонами и фаготами

15 Приказав музыкантам завывать по-зверьи -

19 Дул и слушал - раздутый, удвоенный, 21 А когда наутро, от злобы не
евший, “Простое как мычание”, “Все сочиненное”, “13 лет работы”,
“Избранный

Маяковский”:

3 Обиженный выбежал дирижер,

Пустьяк у Оки

”Новый сатирикон”:

7 Звезда, как вы хорошая, будто не звезда, а девушка...

12 Как вы прекрасно картавите,

14 А она: “Ну, зачем вы давите

”Кофта фата”, “Все сочиненное” и “13 лет работы”: 14 Она: “Ну, зачем вы давите

Великолепные нелепости

”Новый сатириконт”:

10 Громок хозяина бас как

46 скажут, что не было ни ядр, ни фугасов.

Гимн взятке

”Новый сатириконт”, “Все сочиненное”, “13 лет работы”: 15 Россия
сверху - прямо как огород

Внимательное отношение к взяточникам

”Новый сатириконт”:

21-22 Ведь, может быть, у пристава дети.

Но ведь лишний труд - доить поодиночно, 27 Берите и деньги, и драгоценности мамашины, 40 Берите, милые! Чего там!

”Кофта фата”:

21 может, у пристава дети.

27 берите и деньги и драгоценности мамашины

40 Берите, милые! Чего там!

”Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”:
Заглавие - Гимн взятке.

Чудовищные похороны

”Новый сатирикон”:

15 И вдруг из гроба прыснула гримаса, 27 Это большой и носатый,

30 А за ним, ободранная и куцая,

34-35 Но еще и еще откуда-то плачики, 39 Сплошной обрыдавшийся
Гаршин

42-44 Размокло лицо и стало - кашлица, Смятая морщинами на
выхмуренном лбу, А если кто и смеется, - кажется,

”Простое как мычание”:

45 ему разодрали губу

Мое к этому отношение

”Новый сатирикон”:

Подзаголовок отсутствует

31 Но этому взял бы да и дал по роже: “Кофта фата”:

Подзаголовок отсутствует.

Эй!

”Новый сатирикон”:

Посвящение - Михаилу Александровичу Гринкругу.

Ко всему

”Стрелец”:

Заглавие - Анафема

11 я ж из ящиков не выкрал серебряных ложек

16 Похотливо взлазил на рожок рожок

28 “постель как постель

42-43

После 47 - ма-ра-ла

55 пощады нет

58 клянусь моей звериной силой

72 отсутствует

76 Об землю обточатся зубов ножи еще

77 Собакой забьюсь...

85 Белым быком возрос

88 над нею смерчи мух.

98-101

103 Иссохните реки

жажду утолить не дав ему

107 отсутствует

110

118 От окон жидкое солнце льется на спящий город

131 Вам завещаю сад фруктовый

”Простое как мычание”:

Заглавие - Ко всей книге. Посвящение - Л.Ю.Б. [Л. Ю. Брик.]

47-48 “Марала!

Маррррала!

Мааарррааала!”

64

100-101

106 Когда

“13 лет работы”:

Заглавие - Анафема.

Лиличка!

Беловой автограф:

13 I В жуткой передней долго не влезет

II В мутной передней долго не влезет

35 I у меня

II Мне

Никчемное самоутешение

”Новый сатирикон”:

Заглавие - Не говорите глупостей.

12 сошедшего с козел,

15 Если скажут мне:

21 глазом смерить их...

22-23 О, кому охота помнить номер

26 что они лошадей не поят,

После 32 Орет орава!

Толстая,

на вате,

красная

- клюквы воз - щека.

Некоторые без лошадей еще,
и разве хватит
лошадей на стольких извозчиков
34-35 только вы еще остались,
40 отборной руганью исхлестывая город.
41 Меж тысяч извозчиков,
42 шляпу на нос надвинув,
иду
47 медлительный и мечтательный пешеход.

Надоело

”Новый сатирикон”:

Заглавие - Лучше не называть.

Перед 1 Надоело

13 Осторожно подымаю глаза;

54 Где розы есть нежнее и чайнее?

“13 лет работы”, “Маяковский улыбается, Маяковский смеется”,
Маяковский

издевается”:

63 в 1914 году

Дешевая распродажа

”Новый сатирик”:

12-13 Через столько-то и столько-то лет

- словом, я не выживу -

22 и будет

24 что то молоть.....

30 облысевшую голову мою разрисует она

37 знаю я,

54 пыля проспекты,

топча рожь,

Мрак

”Новый сатирик”:

3 и травятся,

12 кому же теперь писать?

После 18 Я знаю,

32 я подожду.

36 Вспомнит опять толпа о половом вопросе.

37 Дальше, - больше скудеет ум ее,

38 Пойдет на лекцию Поссе:

41 Станет, как Чита.

Следующий день

”Новый сатирикон”:

23 Здо-о-оро-воо!!”

33 Что рюмки!

35 Пока не покажется дно -

44 просила

Хвои

”Новый сатирикон”:

27 железные чудовища лазят.

28 А с этих чудовищ

32 Не говорите же.

52 что ж с того!

”Кофта фата”:

27 железные чудовища лазят

32 Не говорите же.

52 Что ж с того

”Все сочиненное”, “13 лет работы”:

32 Не говорите же.

Себе, любимому, посвящает эти строки автор

”Весенний салон поэтов”:

25 Душу одной зажечь!

37 дрожью б объял земли одряхлевший скит.

”Все сочиненное”:

37 дрожью б объял земли одряхлевший скит.

”Избранный Маяковский”:

11 на цыпочки волн б встал.

37 дрожью б объял земли одряхлевший скит.

Братья писатели

”Новый Сатирикон”:

10 глазенки в чай канув,

20 А знаете вы,

28 Из чего писать

34 неужели не наскучило -

43 Лучше открою лавочку.

52 Причесываться?

”Кофта фата”:

20 А знаете вы,

28 Из чего писать

52 “Причесываться?”

но зачем же!

Революция

Черновой автограф (отрывки):

Заглавие отсутствует.

8-13 Тебе сапожищем затоптанная

тебе окровавленная молимся

грязная мать земля

I Расстрелянными телами по ули”цам.

II Расстрелянными телами в площадях раскиданных

I Скажи им

II клянемся

I очистим землю

II искупи”м· вину

III искупи”м· все.

или вместе поляжем,

смертию грех замоля.

14-21 За цареву иго

за войны за голод карающую руку

подъемлет народ.

Вбежал командир,

грохнулся заколот.

В город вырвалась буря рот.

После 21 “9 часов” отсутствует

22 На своем постоянном посту

26-27 За слухом слух

волнение колет

29-30 И вот

35 двуглавый орел самодержца

37-38 Злей и орлинее.

39-52 И звери и люди

и памятники

и дома

и моя казарма

двинулись по улице

толпами

по сто.

Звенит мостовая шагами ломаемая

Уши крушит нечеловечья поступь.

И вот неизвестно,

из пенья ли толпы

из рвущейся меди ль труб гвардейцев

54 сияньем раззолочивая пыль

56-57 Горит и рдеется

64-66 Знамена - крылья

стоглавой лавой

из кратера города вверх взлетела

115 Будто улицы

117 призывами зарев зовут Россию

125-129 Разбиты каторг глухие двери

и в (недописано) пожарище выев

обрывками орлиных перьев

убитые падают городовые

159 I Или (недописано)

II Громче радуйтесь или

164 Слава нам!

165-168 I Это мы без родины без имени без отчества

II Это нами без родины без имени без отчества

III Мы миллионы без имени без отчества

I Сегодня творится религия иная

II Днесь создается религия иная

I Несем скрижали нового пророчества

с нашего закоптелого Синая

II Сегодня скрижали нового пророчества

сносим с нашего закоптелого Синая

169-179 Мы русские

Нам и француз и англичанин родной.

Нам и турки и немцы и негры братья.

Мы на нашей планете

воины одной

I жизнь создающей рати

II жизнь охраняющей рати

Вариант 169-175 записанный отдельно: Мы русские

Нам

каждый

земли поселянин родной.

Мы все по земле по станкам и по шахтам братья.

181 И держав бытие

180-182 И громы неб и земель ураганы

послушны нашим волям.

185-189 Наши небес алмазные копи.

Мы никогда, никогда никому, никому не позволим

196 для всех мало?

198-201 Это наши пушки грохочут в кровавых спорах.

Это наши руки штыки гранят.

Мы этими же руками рассыпем порох

и детям раздарим мячи гранат.

203 не вопли тех, кому есть нечего, 206-207 в величие сердца
человечьего.

Это над взбитой боями пылью

Газ. “Новая жизнь”:

Подзаголовок - Хроника.

Посвящение - Л.Ю.Б.

14 И первому

21 Вырвалась в город буря рот.

После 21 “9 часов” отсутствует

29-30 И видим в окно:

33 дворцов иззубренной линией

39-43 И котелки,

и рабочие,

и лошади,

и дома,

49 уши крушит тысяченогая поступь.

50-51 Неведомо откуда

из пенья ль толпы

66 из кратера города ввысь взлетела

После 68 Горе двуглавному!

71 Сегодня пересматривается мира основа.

79 Пусть в небо толпы вбивают топот!

80 Пусть флоты злобу сиренами вырычут.

81 отсутствует

87 обгоняем погони пуль.

88 Взрывом рожков рассыпаемся в городе.

95 жужжа прокатилось за купол Думы.

101 ждать нам

114 И вновь взвиваются, искры расся.

115 Будто,

улицы

После 121-123 Зажми

и дни

и лун лучи

красными пальцами тысячерукого Марата!

126 вломись

143 В сердце цельте!

159 Громче трубите!

164 Слава нам!

176-178 Мы все на земле воины одной

186 Мы никогда

После 197 Сегодня

204-206 Это народа освобожденного

громовое:

”Верую

в величие слова человеческого!”

207 Это

над взбитой боями пылью,

После 211-17 апреля, Петроград.

”Газета футуристов”, альм. “Ржаное слово”, “Все сочиненное”, “13 лет работы”, “Стихи о революции”, 1 и 2 изд., “Избранный Маяковский”:

178 воины одной

Сказка о красной шапочке

Газ. “Новая жизнь”:

Заглавие - Сказочка.

Подзаголовок - Цвету интеллигенции посвящаю.

3-5 Кроме этой шапочки, пришедшейся кадету, ничего в нем красного не было и нету.

Прослышит кадет - революция где-то

8 и внук кадетов и кадетов дед

11 И стал он черный. Видевшие это

Список, сделанный Л. Ю. Брик:

Заглавие отсутствует.

4 Ни черта на нем красного не было и нету

11 И остался он черный. А увидевшие это

15 Когда будете делать революцию, дети

”Все сочиненное”:

4 Ни черта на нем красного не было и нету.

К ответу!

Черновой автограф:

3 I За сыном сына

II Детей земли

8-10 голодна и раздета

выпарили человечество кровавой банею

14 разжился Албани"ей.

15 I Сцепились громады человеческих свор

II Сцепилась злость человеческих свор

16 опускается на мир за ударом удар

22-24 у земли

не будет неполоманного ребра.

I Душу вытащат

II И душу вытащат

25 I и задушат там ее

II и прикончат там ее

30-31 О во имя чего же

солдат сапог

37 О когда же встанешь во весь свой рост

40 О когда же в лицо им бросишь вопрос

Нетрудно, ландышами дыша...

Беловой автограф:

25 I разнесут взрывы задорного хохота.

II раскатят взрывы задорного хохота.

Интернациональная басня

Черновой автограф:

Заглавие - Басня

7 обкрадывать вменялось вору в обязанность

17 I наворачивается мораль

II наворачивается и мораль

18-20 I по шее догу не пора

II туда же догу не пора

”Все сочиненное”, “13 лет работы”:

17 наворачивается и мораль:

Ешь ананасы...

Журн. “Соловей”:

1 Ешь ананасы и рябчиков жуй.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ - Библиотека-музей В. Маяковского.

ЦГАЛИ - Центральный государственный архив литературы и искусства.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ночь (стр. 33). Альм. “Пощечина общественному вкусу”, М. 1912
(вышел в

декабре); “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т.

I;

Сочинения, т. I.

Об этом стихотворении Маяковский говорит в автобиографии: “первое профессиональное, печатаемое”.

Утро (стр. 34). Альм. “Пощечина общественному вкусу”, М. 1912
(вышел в

декабре); “Простое как мычание”; “Все сочиненное”, “13 лет работы”, т.

I;

”Избранный Маяковский”; Сочинения, т. I.

Порт (стр. 36). Альм. “Садок судей”, т. II, П. 1913 (вышел в феврале); “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения,

т. I.

Написано в конце декабря 1912 г. (см. “Я сам”).

Уличное (стр. 37). Альм. “Садок судей”, II, П. 1913; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения т. I.

Из улицы в улицу (стр. 38). Листовка “Пощечина общественному вкусу”, М.

1913 (вышла в феврале); альм. “Требник троих”, М. 1913; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

А вы могли бы? (стр. 40). Автограф (строки 5-10, ЦГАЛИ); альм. “Требник

троих”, М. 1913 (вышел в марте); “Для первого знакомства”; “Простое как

мычание”; “Все сочиненное”, фонографическая запись авторского чтения

(1920);

“13 лет работы”, т. I; “Избранный Маяковский”; “Для голоса”; Сочинения, т.

I.

Вывескам (стр. 41). Альм. “Требник троих”, М. 1913; “Простое как

мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; “Избранный Маяковский”;

Сочинения, т. I.

Строка 6. Созвездие “Магги” - световая реклама бульонного экстракта, выпускавшегося фирмой “Магги”.

Театры (стр. 42). Альм. “Требник троих”, М. 1913; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; “Избранный Маяковский”;

Сочинения, т. I.

Строка 6. У блеклой женщины Карьера... - Э. Каррьер - французский художник конца XIX века.

Кое-что про Петербург (стр. 43). Альм. “Требник троих”, М. 1913; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения,

т. I.

За женщиной (стр. 44). Альм. “Требник троих”, М. 1913; “Простое как мычание”. “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

В тексте альманаха вместо строк 13-16 четыре строки точек - очевидно, по требованию цензуры.

Я (стр. 45). Альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Это и следующие за ним три стихотворения составляют цикл стихов

“Я!”, который был выпущен литографированным изданием в мае 1913 г.

Несколько слов о моей жене (стр. 46). Сб. “Я!”; альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”;

”Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. 1; Сочинения, т. I.

Несколько слов о моей маме (стр. 47). Сб. “Я!”; альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”;

”Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Строка 26. Аванцо - магазин художественных изделий, находившийся в Москве на Кузнецком мосту.

Несколько слов обо мне самом (стр. 48). Сб. “Я!”; альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”;

”Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. 1.

Строки 12 и 13. Разночтения в первопечатном тексте-очевидно, подцензурный вариант.

Исчерпывающая картина весны (стр. 50). Беловой автограф (ЦГАЛИ); альм.

”Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; “Все сочиненное”; “13 лет работы”,

т. I; Сочинения, т. I.

От усталости (стр. 51). Альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; корректура “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Любовь (стр. 52). Альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; корректура “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Мы (стр. 53). Альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913 и 1914; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Строка 10. Разночтение в тексте альманаха - очевидно, подцензурный вариант.

Шумики, шумы и шумищи (стр. 54). Альм. “Дохлая луна”, 1 и 2 изд., М. 1913, 1914; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; альм.

“Весенний

салон поэтов”, М. 1918; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения,

т. I.

Адище города (стр. 55). Альм. “Молоко кобылиц”, М. 1914 (вышел в конце

1913); “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Нате! (стр. 56). Альм. “Рыкающий Парнас”, П. 1914 (вышел в январе); “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13

лет

работы”; “Избранный Маяковский”; Сочинения, т. I. Написано в середине

октября 1913 года. Прочитано Маяковским на открытии Литературного кабаре

”Розовый фонарь” в Мамоновском переулке в Москве, 19 октября 1913 года.

Ничего не понимают (стр. 57). Альм. “Рыкающий Парнас”, П. 1914; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. 1; “Избранный Маяковский”; Сочинения, т. I.

В авто (стр. 58). “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Датируется 1913 годом предположительно.

Кофта фата (стр. 59). “Первый журнал русских футуристов”, М. 1914, Но 1-2 (вышел в марте); корректура “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы, т. I; “Избранный Маяковский”;

Сочинения, т. I.

Строка 12. Би-ба-бо - кукла, надеваемая на руку.

Послушайте! (стр. 60). “Первый журнал русских футуристов”, М. 1914, Но 1-2; “Простое как мычание”; “Все сочиненное” - фонографическая запись

авторского чтения (1920); “13 лет работы”, т. I; “Избранный Маяковский”;

Сочинения, т. 1.

Строка 8. Разночтение в журнальном тексте - очевидно, подцензурный вариант.

А все-таки (стр. 62). “Первый журнал русских футуристов”, М. 1914, No 1-2; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13

лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Еще Петербург (стр. 63). “Первый журнал русских футуристов”, М. 1914, No

1-2; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

В журнальном тексте разночтение в строке 7: “А с крыш смотрела какая-то

дрянь” (вместо “А с неба”) - очевидно, подцензурный вариант.

Война объявлена (стр. 64). Журн. “Новая жизнь”, М. 1914, No 8; альм.

”Война” (1 и 2 изд.), М. 1914; альм. “Весеннее контрагентство муз”, М. 1915;

”Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения,

т. I.

Посвящение в тексте альманаха: О. В. Р. - О. В. Розенблюм. Дата “20 июля 1915 г.” - очевидная ошибка, стихотворение написано в июле 1914 г.

Мама и убитый немцами вечер (стр. 66). Беловой автограф (ЦГАЛИ); газ.

”Новь”, М. 1914, 20 ноября; альм. “Весеннее контрагентство муз”, М. 1915;

”Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13

лет

работы”, т. I; Сочинения, т. 1.

Строка 30. Ковно - Каунас, город в Литве.

Дата в тексте альманаха “Октябрь 1915 г.” - очевидная ошибка, стихотворение написано в первой половине 1914 года.

Скрипка и немножко нервно (стр. 68). Беловой автограф (ЦГАЛИ); журн.

”Театр в карикатурах”, М. 1914, No 18, 30 ноября; “Простое как мычание”; “Все

сочиненное”; “13 лет работы”, т. 1; “Избранный Маяковский”; Сочинения, т. I.

Строка 8. Кузнецкий - Кузнецкий мост, улица в Москве.

Мысли в призыв (стр. 70). “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. 1.

Датируется предположительно 1914 годом (первые месяцы войны).

Строка 33. “Анатэма” - мистическая пьеса Л. Андреева.

Строка 53. Спарта - древнегреческое государство, в котором весь строй жизни был организован на военный лад.

Я и Наполеон (стр. 72). Беловой автограф (БММ); альм. “Весеннее

контрагентство муз”, М. 1915 (вышел в мае); “Для первого знакомства”, “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. 1; Сочинения,

т. 1.

Строка 26. Уже у Ноева оранжереи... - цветочный магазин Ноева, находившийся в Москве на Петровке.

Строка 54. Солнце Аустерлица... - слова, произнесенные Наполеоном на рассвете дня Бородинской битвы (под Аустерлицем в 1805 году Наполеон

одержал

крупную победу).

Строка 63. В Яффе в 1799 году Наполеон посетил чумный госпиталь.

Строка 67. Аркольский мост - мост в итальянском местечке Арколе, где в

1796 году произошло ожесточенное сражение французских войск под предводительством Наполеона с австрийскими войсками. - Наполеон, возглавлявший одну из штурмовых колонн, едва не был убит..

Вам! (стр. 75). Альм. “Взял”, П. 1915, декабрь; “13 лет работы”, т. 1; Сочинения, т. 1.

Написано не позже первых чисел февраля 1915 года. 11 февраля Маяковский

прочитал это стихотворение на вечере в артистическом подвале “Бродячая

собака”. Чтение вызвало взрыв возмущения буржуазной публики. В автобиографии

Маяковский вспоминал, что “Бродячая собака” чуть не была закрыта за чтение

”Вам!” (см. стр. 374).

Строка 9. В тексте альманаха вторая половина строки “если б он, приведенный на убой” была изъята цензурой.

Строка 12. Северянин Игорь - поэт-декадент, глава эгофутуристов.

Гимн судье (стр. 76). Журн. “Новый сатирикон”, П. 1915, No 9, 26 февраля; “Простое как мычание”; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; фонографическая запись авторского чтения (1920); “13 лет работы”, т. I; “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. 1.

Гимн ученому (стр. 78). Журн. “Новый сатириком”, П. 1915, No 12, 19 марта; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. I.

Военно-морская любовь (стр. 80). Журн. “Новый сатирикон”, П. 19.15, No 25, 18 июня; “Все сочиненное”; фонографическая запись авторского чтения

(1920); “13 лет работы”, т. I; “Для голоса”; “Избранное из избранного”; Сочинения, т. I.

Гимн здоровью (стр. 81). Журн. “Новый сатирикон”, П. 1915, No 27, 2 июля; “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Гимн критику (стр. 82). Список с черновой рукописи, сделанный К.

Чуковским, 1915 (БММ); журн. “Новый сатирик”, П. 1915, No 28, 9 июля; корректура “Для первого знакомства”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т.

I; “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. I.

Гимн обеду (стр. 84). Журн. “Новый сатирик”, П. 1915, No 29, 16 июля; корректура “Для первого знакомства”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т.

I; “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. I.

Строка 6. В сентябре 1914 года германской артиллерией был разрушен

Реймский собор - памятник французской архитектуры XIII века.

Теплое слово кое-каким порокам (стр. 86). Журн. “Новый сатирик”, П. 1915, No 30, 23 июля; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т.

I.

Вот так я сделался собакой (стр. 88). Журн. “Новый сатирик”, П. 1915, No 31, 30 июля; корректура “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”;

”Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; “Маяковский улыбается, Маяковский

смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. I.

Кое-что по поводу дирижера (стр. 90). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1915, No 32, 6 августа; корректура “Для первого знакомства”; “Простое как мычание”;

”Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; “Избранный Маяковский”; Сочинения,

т. I.

Пустяк у Оки (стр. 91). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1915, No 33, 13 августа; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения,

т. I.

Великолепные нелепости (стр. 92). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1915, No 34, 20 августа; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т.

I; Сочинения, т. I.

Гимн взятке (стр. 94). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1915, No 35, 27 августа; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Внимательное отношение к взяточникам (стр. 95). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1915, No 35, 27 августа; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13

лет работы”, т. I; “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский

издевается”; Сочинения, т. I.

Чудовищные похороны (стр. 97). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1915, No 36, 3 сентября; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I;

”Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”;
Сочинения, т. I.

Мое к этому отношение (стр. 99). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1915, No 38, 17 сентября; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”;
Сочинения, т. I.

Подзаголовок “Гимн еще почтее” впервые появился в сборнике “Все сочиненное”. В этом сборнике “Мое к этому отношение” было напечатано

после

стихотворения “Теплое слово кое-каким порокам (почти гимн)”.

Строка 12. Сытин - известный издатель и книгопродавец, крупный капиталист.

Строка 16. Апухтин А. - русский поэт второй половины XIX века. Был очень тучен.

Строка 30. Спектакль-гала - парадный спектакль.

Эй! (стр. 101). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No8, 18 февраля; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

В последний текст в строке 40 внесено исправление: вместо “С похмелья”

- “С похмельем” (по текстам: “Новый сатириконт”, “Все сочиненное”, “13 лет работы”).

В строке 51: вместо “землю самое” - “землю саму” (ошибка - вследствие

корректорской поправки).

Строка 16. Капри - остров близ Неаполя, одно из красивейших мест Италии.

Ко всему (стр. 103). Альм. “Стрелец”, П. 1916; “Простое как мычание”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

В тексте альманаха цензурные пропуски: “под ношей креста Христос” (строки 42-43); “Я возьму намалюю на царские врата на божьем лице Разина”

(строки 98-101); “в черных душах убийц и анархистов” (строка 110).

Лиличка! (стр. 107). Печатается по беловому автографу, датированному Маяковским: “26 мая 1916 г. Петроград”. (Посвящено Л. Ю. Брик).

Напечатано в

альм. “С Маяковским”, М. 1934.

Строка 3. Глава в крученыховском аде... - Имеется в виду поэма А.

Крученых и В. Хлебникова “Игра в аду”.

Издательства (стр. 109). Журн. “Новый сатирикон”, П. 1916, No 45, 3 ноября, с подзаголовком “Цикл из пяти”. В этот цикл, кроме

напечатанного в

том же номере журнала стих. “Никчемное самоутешение”, должны были, очевидно,

войти следующие четыре стихотворения, появившиеся в ближайших номерах: “Надоело”, “Дешевая распродажа”, “Следующий день”, “Братья писатели”.

Никчемное самоутешение (стр. 110). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No 45, 3 ноября; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Надоело (стр. 112). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No46, Юноября; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; “Маяковский улыбається, Маяковский

смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. I.

В последний текст в строке 62 внесено исправление: вместо “1914 году”

-

”в 1916 году” (по тексту журн. “Новый сатириконт”).

Строка 2. Анненский И. - поэт-декадент.

Строки 57-58. Рябое прочту “Простое как мычание”... - название вышедшего в то время сборника стихов Маяковского. “Рябое” от цензурных

пропусков.

Дешевая распродажа (стр. 115). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No48, 24 ноября; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

В последний текст в строке 57 внесено исправление: вместо “в

Петербурге” - “в Петрограде” (по тексту “Нового сатириконт”).

Строка 11. Пьерпонт Морган - американский миллиардер.

Строки 56-58. Сегодня в Петрограде на Надеждинской - улица, на которой

жил в то время Маяковский. Теперь улица Маяковского.

Мрак (стр. 118), Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No 49, 1 декабря; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Строка 7. Сегодня на Верхарна обиделись небеса... - Бельгийский поэт

Эмиль Верхарн погиб под колесами поезда 14/27 ноября 1916 года.

Строка 13. Шебуев Н. - бульварный журналист.

Строка 25. “Селект” - гостиница в Петрограде.

Строка 26. С Фадеем Абрамовичем сяду играть в око... - А. Штейн - знакомый Маяковского. Око - карточная игра.

Строка 38. Поссе В. - журналист, сотрудничал в органах либерально-буржуазного направления, читал лекции на самые разнообразные

темы.

Строка 42. Театр Мосоловой - театр миниатюр в Петрограде.

Строка 46. “Задушевное слово” - журнал для детей. На страницах журнала

печатались слащаво-сентиментальные произведения.

Лунная ночь (стр. 120). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No 49, 1 декабря.

Следующий день (стр. 121). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No 50, 8 декабря; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Строка 11. Пальмерстон - фасон пальто.

В. Я. Брюсову на память (стр. 123). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No

51, 15 декабря; “Кофта фата”.

Хвои (стр. 124). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1916, No 52, 22 декабря; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Себе, любимому, посвящает эти строки автор (стр. 126). Альм.
“Весенний

салон поэтов”, М. 1918; “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I;
“Избранный

Маяковский”; Сочинения, т. I.

Датируется 1916 годом предположительно.

Строка 55. Голиаф - легендарный Ееликан, о котором повествуется в
библии.

Последняя петербургская сказка (стр. 128). “Все сочиненное”; “13 лет
работы”, т. I; Сочинения, т. I.

Датируется 1916 годом предположительно.

Строка 1. Стоит император Петр Великий... -памятник Петру I на
Сенатской площади в Петрограде - Петр на коне, попирающем копытами
змею.

Строка 3. “Запирую на просторе я!” - перефразированная строка из
ПОЭМЫ

Пушкина “Медный всадник”: “И запируем на просторе”.

Строка 27. Гренадин - прохладительный напиток, который принято пить
через соломинку.

России (стр. 130). “Все сочиненное”; “13 лет работы”, т. I; Сочинения, т.
I.

Датируется 1916 годом предположительно.

Братья писатели (стр. 132). Журн. “Новый сатириконт”, П. 1917, No 3, 12

января; “Кофта фата”; “Все сочиненное”; “13 лет работы, т. I; “Маяковский

улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. I.

Строка 2. Бристоль - литературное кафе в Петрограде.

Строка 23. Франсуа Вийон - французский поэт XV века, родоначальник новой французской поэзии. Существует версия, согласно которой Вийон
В

молодости был замешан в уголовном преступлении.

Строка 52. Причесываться? Зачем же!.. - перифраз стихов Лермонтова: “Любить - но кого же? на время не стоит труда, а вечно любить невозможно”.

Революция (стр. 134). Черновые записи строк 1-72, 115-118, 125-129, 159-162, 169-175 - в записной книжке No 1 (БММ); газ. “Новая жизнь”, П.

1917,

No 29, 21 мая; “Газета футуристов”, М. 1918, 15 марта; “Все сочиненное”; “13

лет работы”, т. I; “Стихи о революции”, 1 и 2 изд.; “Избранный Маяковский”;

”Американцам для памяти”; Сочинения, т. II.

Строка 7. Волынский полк - первый полк петроградского гарнизона, перешедший на сторону революции (февраль 1917 г.).

Строка 23. Маяковский служил в Военно-автомобильной школе, будучи призванным в армию, в 1915-1917 годах (см. в автобиографии: “Пошел с

автомобилями к Думе...! Принял на несколько дней команду Автошколой”).

Строка 93. Марсельский марш - Марсельеза.

Строка 95. Купол Думы - купол Таврического дворца, где помещалась Государственная дума.

Строка 168. Синай - гора в Египте, где, по библейскому преданию, бог дал Моисею скрижали с десятью заповедями.

Подписи к плакатам издательства “Парус” (стр. 141). Плакаты с текстами и рисунками Маяковского были выпущены издательством “Парус” весной 1917 года.

Строка 1. Саша - жена Николая II Александра Федоровна.

Строка 3. Коля - Николай П.

Сказка о красной шапочке (стр. 142). Газ. “Новая жизнь”, П. 1917, No 88, 30 июля; список, сделанный Л. Ю. Брик (1918); “Все сочиненное”; “13 лет

работы”, т. I; “Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается”; Сочинения, т. II.

Строка 1. Кадеты - конституционно-демократическая партия либерально-монархической империалистической буржуазии в России.

Прикрываясь либеральными фразами, кадеты боролись против революции.

К ответу! (стр. 143). Черновой автограф в записной книжке No 1, (БММ);

“Новая жизнь”, П. 1917, No 96, 9 августа.

Характерно, что это стихотворение вызвало возмущенный отклик меньшевистской газеты “Единство” (11 августа 1917 г.). “Если до сих пор

только скучные прозаики победно боролись с “империализмом” Милюкова, французов и англичан, то теперь за это дело взялся в стихах футурист

Маяковский...”

Нетрудно, ландышами дыша... (стр. 145). Написано летом 1917 года для сатирического журнала “Тачка”, который предполагалось выпускать при газете

”Новая жизнь”. Издание журнала не осуществилось, и стихотворение осталось

ненапечатанным. В конце 1919 года, работая в РОСТА, Маяковский переделал

стихотворение и выпустил в виде “Окна сатиры” под заглавием “Первый вывоз”

(см. т. III).

Печатается по тексту белого автографа в записной книжке No 1 (БММ).

Строки 21-23. Нарвская, Выборгская, Охта - промышленные окраины Петрограда.

Интернациональная басня (стр. 147). Черновой автограф в записной

книжке

? 1 (БММ); журн. “Красный дьявол”, П. 1919, ? 10, январь, под заглавием

”Басня (для европейских детей)”;

1;

Сочинения, т. II.

Датируется 1917 годом предположительно.

Строка 1. Петух - эмблема Франции (“галльский петух”).

Строка 2. Дог - Англия.

Строка 3. Вор - Николай II.

Ешь ананасы, рябчиков жуй... (стр. 148). Журн. “Соловей”, М. 1917, No 1,

24 декабря; Сочинения, т. III (проеитировано Маяковским в поэме

“Владимир

Ильич Ленин”); Сочинения, т. IV.

Написано в сентябре или октябре 1917 года.

В статье “Только не воспоминания” (1927) Маяковский рассказывает о

происхождении этих строк: “К Привалу {“Привал комедиантов” -

артистический

кабачок.} стали привативаться остатки фешенебельного и богатого

Петербурга.

В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустипиие... Это

лвустипиие

пусть

стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября

писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: Ешь ананасы...

и т. д.”.

Год: 1917